

Вера Чиркова

ЗВАНИЕ - БАБА ЯГА

УЧЕНИЦА ВЕДЬМЫ

КНИГА ВТОРАЯ

Вера Андреевна Чиркова
Звание Баба-яга.
Ученица ведьмы
Серия «Звание Баба-яга», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35253150

Аннотация

Если день начался неудачно, так он и закончится, в этом юная сиротка Катерина убедилась на собственном опыте. А ведь казалось, ничего не предвещало беды, ну кроме темных туч на горизонте. Но ведь ранней весной этим никого не испугать... особенно летящих на шабаш ведьм.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	51
Глава третья	75
Глава четвертая	97
Глава пятая	105
Глава шестая	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Вера Чиркова

Звание Баба-яга.

Ученица ведьмы

Глава первая

День первый, очень злополучный

– Ах ты ж, хулиганка бисова!

Огромная миска с творогом пролетела в паре сантиметров над моей головой и с грохотом врезалась в стену. Душистые белые комочки разлетелись по всей веранде, обдав меня моросью сыворотки.

И это я – хулиганка?! Да я по сравнению с тобой просто ангел с кружевными крылышками! Вот только вслух этого не скажу, чтобы не выдать своего укрытия.

Да и не должно меня тут быть, если уж на то пошло. Ну какой нормальный человек, уронив в миску со свежесваренным творогом почти килограмм соли, спокойно останется поджидать, пока его за это накажут?

Но это нормальный, меня же такой пока никто не обзывал. Хотя несколько различных прозвищ прицепилось, просто как приклеенные «Моментом». Клей такой есть, тетка

все время покупает. Она страшная экономистка, все разбитые чашки и тарелки обязательно клеит. Ну и что, что в них потом ничего наливать нельзя, – она и не наливает. Зато насыпает, а потом забывает, почему насыпала. Вот и давеча, возьми, говорит, вон ту тарелочку, положи на нее творожку и помни с сахаром, завтракать будем.

И ушлепала цыплят кормить. Она маленьким обязательно творогу дает, чтобы росли быстрее. А я только тарелку достала и задумалась, во что бы соль пересыпать... а она возьми и тресни прямо в руках.

Тарелка, разумеется. Вот я от неожиданности прямо в миску ее и уронила. Само собой, вместе с солью. Ну да, возле творога я и стояла, а где еще, по-вашему, мне стоять нужно было?

– Вот ты и попалась, оторва криворукая! – торжествующе объявила хрипловатым голосом тетка, вытаскивая мою персону за ухо из-за старенького диванчика.

– Как? – интересовал меня только один вопрос, и тетка правильно догадалась какой.

– Ни кошка, ни собака не кинулись творожок-то собирать! Окромя тебя, их ничто отпугнуть не могло! – гордо пояснила она сложную цепь своих умозаключений.

Ну да, правильный вывод. Вот только неверным путем ты, тетенька, к нему подошла. Потому и не желали они твой творог собирать, что я уже пыталась им его скормить, чтобы свою промашку скрыть. Только ни одна собака не сожрет

столько горько-соленого творога, даже если ей его насильно в пасть крупяным совочком засыпать. Это Жучка еще долго продержалась. Кошка сбежала намного раньше.

– Ну а чтобы ты навсегда запомнила, что шkodить нельзя, соберешь этот творог и, пока не съешь, ничего другого не получишь, – мстительно объявила тетка свой приговор и сунула мне в руки погнутую миску.

Не забыв наградить увесистым подзатыльником. Совершенно незаслуженным, на мой взгляд, и оттого особенно обидным.

– И не вздумай хитрить! Тут нормальному человеку и за три дня не съесть, раньше не приходи.

– Ну да... – оскорбленно бурчу, ползая под столом с совочком и миской, – сначала вывалить еду по грязному полу, а потом скормить единственной племяннице! Ничего гуманного в тебе нет.

Ну про то, что пол грязный, я немного преувеличила, мне и приходится его каждый день намывать, только я ведь вовсе не мазохистка, низкому дивану на коленях кланяться. А творог именно туда в большинстве и завалился и теперь извлекается с совершенно неожиданными добавками. В частности, с бесследно потерявшейся еще осенью картофелечистойкой, парой пуговиц, оторванных непонятно от чего, коробком спичек и одиноким пыльным носком. И что самое грустное, пожаловаться абсолютно не на кого, да и некому.

Тетка тут же задерет нос и заявит, что я сама и виновата,

развела эту грязь. Ну так если бы знать, что она меня оттуда творог доставать заставит, я, может, и помыла бы.

И тут по моей небрежливой в общем-то натуре был нанесен судьбой такой подлый удар в виде засохшей мышки, что я не выдержала. Бросила миску с совочком посреди пола и полезла по шатучей лесенке на мансарду, собирать вещи.

Неужели я пропаду или буду еще где-нибудь терпеть столько оскорблений, как в доме единственной родственницы, оставшейся у меня после гибели предков?

Не думаю. На свои семнадцать я хоть и не выгляжу, зато имею кучу полезных навыков, спасибо районному интернату и родной тетушке. Вот сейчас доберусь до какого-нибудь города, найду работу, сниму квартиру и заживу как все белые люди. Буду вечерами по парку гулять, а не по оврагу – в поисках теткиных коз.

Вот только город выбрать нужно правильно, а денег у меня должно хватить, давно коплю то, что остается от пенсии за родителей.

Я пошарила рукой за кривоногим шкафом, непонятно как втиснутым в узкий люк, достала коробочку из-под конфет, в интернате на день рождения подарили... нет, не одну коробку, были в ней и конфеты, правда, мне всего две штучки досталось, а как же иначе, не есть же их одной, под одеялом?! Из коробки, с сожалением вздохнув, – придется ее оставить, – достала свои сбережения. Упаковала на дно потертого рюкзачка, сложила туда же небогатое приданое, на-

тянула свитерок, джинсы и кроссовки. Куртку бросила на рюкзак, бдительно оглядела помещение, верно служившее мне целый год. Ничего не забыла? Вроде нет. Тогда прощай, печальный уголок.

На веранде я задумалась еще на пару мгновений, потом, бесшабашно тряхнув головой, решительно сунула в один боковой кармашек старенький кухонный нож и ложку, а в другой – алюминиевую кружку. Еще начатый коробок спичек, полбулки хлеба, кусок соленого сала и несколько пакетиков чая, пожалуй, больше взять нечего. Если только новенький тубик любимого тетушкиного клея... просто так, назло.

Заслышав со стороны парадного крыльца неспешные шаги покидаемой родственницы, молнией метнулась к дверце, ведущей во двор, и, не оглядываясь на прощанье – некогда, да и незачем, – выскочила под вялый весенний дождик.

Ничего, не сахарная, до станции, если напрямки через лес, всего-то два километра, куртку накину и добегу.

В лесу было сумрачно, скользили под кроссовками прошлогодние черные листья, и даже под огромными елями не осталось сухого места. Да только с чего бы мне вздумалось под них лезть, под эти самые ели? Если следовало спешить изо всех сил – с тетки вполне станется тревогу поднять, объявить меня в розыск, как преступника. И не важно, что паспорт дают в четырнадцать и даже работать разрешают. Зато сбегать от домашних тиранов и выходить замуж почему-то можно только в восемнадцать.

Что-то мелькнуло над елками ослепительным всплеском, вырывая меня из размышлений о вечных проблемах и одновременно выдергивая почву из-под ног, ударило по ушам воздушной волной, как при свободном падении... каталась я однажды, когда уходила из интерната.

И бросило в темную воронку невесть откуда взявшегося смерча, заставив на миг задохнуться от нехватки воздуха и всепоглощающего ужаса.

А потом, больно ударив напоследок, швырнуло спиной на что-то твердое, и мой организм не придумал ничего лучше, чем в знак протеста потерять сознание.

Что я была злая, придя в себя, сказать мало. Нет, я была просто очень злая. Ненавижу, когда мне делают больно или бьют, до посинения ненавижу.

И, когда я попала после смерти родителей в интернат – тетка расстаралась, первым делом довела это до сведения всех задир. И откровенных, и тихушных, а их, как я успела заметить за последние несколько лет, в любом коллективе всегда на порядок больше. Ходят эдакие, вроде правильные, учителя и воспитатели их в пример ставят. А едва взрослые отвернутся, ангелочки превращаются в болотных гадюк, норовящих по сильнее цапнуть из-под кочки.

Ну так вот, про боль. Не сразу до них дошло, что я не шутила. Поначалу все пытались поймать меня в темном углу и показать, кто в интернате настоящий хозяин. Потом им вы-

таскивали из носов и скул занозы – я без куска доски в опасные углы не совалась.

Ну а я, как водится, сидела в это время в карцере. Так они палату при медпункте меж собой называли. Местная медсестра туда для успокоения буйных драчунов запирала, после того как укольчик вкатит, разумеется. Вот это еще одна вещь, которую я на дух не выношу, – уколы и операции разные. И медсестре об этом в первый же момент сообщила. Она оказалась теткой сообразительной, поглядела в мои шальные от ненависти глаза и шприц убрала. Вместо этого принесла стопку книжек и положила на тумбочку.

Книжки я тоже не любила до того случая, но сказать сразу об этом не успела, так быстро она из карцера вымелась. А уже потом, от скуки, открыла наугад один томик, самый тощенький, да так и прилипла. Вот с тех пор мы с Мариной и подружились, хотя весь интернат ее за белый халат и подкрашенные волосы Мальвиной называл. Или еще за что, я не вникала. Важно другое: с тех пор она никогда мне прививок не делала, сунет какую-то гадость в ложечку – выпей! И все.

А я ей за понимание помогала в медпункте убирать. Марина всегда говорила, что мне надо обязательно в медицинское поступить, вроде призвание к этому имеется. Только тетка решила иначе – после девятого класса забрала на хутор, трудно ей, видите ли, одной! Ну так ведь, чтобы ее козловить, и взвода погранцов маловато будет.

Когда Марина узнала, что меня забирают, то взяла выход-

ной и выпросила у директрисы разрешение съездить со мной в город, просто так, на прощанье. Вот в тот раз и испробовала я и крутые горки, и свободное падение, очень весело было. Но самое необычное случилось, когда мы уже на вокзале сидели, электричку до райцентра ждали. Марина ушла куда-то, времени было еще завались, и я развлекалась тем, что в упор глядела в спины дремлющим пассажирам. Очень смешно наблюдать, как они вдруг просыпаются и начинают в панике пересчитывать свои сумки и пакеты, не понимая, что их так встревожило.

Вот тогда она и подошла – высокая, рыжеволосая, лицо вроде молодое, а глаза понимающие такие.

– Ты, – говорит, – девочка, пока еще сама не знаешь, какая в тебе сила дремлет, но наступит час, когда захочешь понять, что с ней делать и как дальше жить. Вот тогда приезжай ко мне в гости, возьму тебя в ученицы. Вот тебе моя визитка с адресом, потерять ее невозможно, как будет нужно, сама найдется.

Встала и ушла, как раз посадку объявили на Симферополь, я хорошо запомнила.

Почему я этот случай сейчас вспомнила? Да все просто. Едва придя в себя после странного падения, села, ощупывая пострадавшие бока, и вдруг почувствовала под рукой что-то непонятное. Сунула пальцы в боковой кармашек курточки и обомлела – на ладони лежал, поблескивая золотыми виньетками, зеленоватый прямоугольник картона с выдавленным

на нем, давно заученным наизусть именем и адресом. Вот только я прекрасно знала, что он никак не мог тут находиться, потому как стирала куртку всего пару дней назад и все карманы прилежно выворачивала.

Луч солнца упал на позолоту узора, тот заиграл, заблестел весело, я невольно подняла глаза... и в груди сначала сжалось, а потом громко забухало, заторопилось испуганное сердце.

Место было совершенно незнакомое... и какое-то необычное, я даже не сразу разобралась, чем оно меня так насторожило.

А потом резко, как ведро воды на голову, пришло понимание.

В доме у тетки развлечений негусто, но телевизор все-таки цветной. И антенну она спутниковую поставила, для экономии – на паях с тремя соседями. Вот и коротали мы дождливые холодные вечера возле ящика, или окна в мир, как тетка его звала. Вкусы у нас, конечно, не совпадали: клипы с сумасшедше накрашенными певицами она на дух не выносила, «Папиных дочек» и «Дом-2» – тоже. Зато обожала всякие путешествия, и со знаменитыми ведущими, и без них. Ну а мне куда деваться – приходилось смотреть что дают, у нас и в интернате всегда взрослые пультом командовали.

Вот потому я и поняла сразу, что очутилась незнамо где. Нет у нас на Земле такого места. Чтобы острые скалы всех оттенков фиолетового перемежались мягкими лощинками,

заросшими пышно цветущими кустами с сочными листьями диковинной формы и неестественного лимонного цвета.

Вот тут и припомнились мне книжки, какие Мальвина приносила. Интересные книжки, фэнтези называются. В основном про то, как девчонки в чужие миры попадают. Со всем как я сейчас. И один момент меня всегда в них настораживал – слишком глупо они себя вели, эти попаданки, с самой первой минуты. Хватали руками все подряд и совали в рот, словно сумасшедшие экспериментаторы. Еще смело пинали даже самых жутких монстров и по-всякому обзывали всех встречных мужиков, особенно красивых эльфов, а те от такого хамского обращения только восторженно млели.

Еще тогда, в интернате, я про это долго размышляла и для себя решила: если бы мне довелось оказаться в чужом мире, нипочем так не поступила бы. Первым делом спряталась бы понадежнее и носа из укрытия не высовывала, не изучив обстановку.

Я гордо обвела взглядом окрестности и с размаху хлопнула себя ладонью по лбу. Ну и чего же я тогда сижу здесь на самом виду, если такая умная?!

Схватила рюкзачок и вмиг скатилась со сравнительно ровной площадки на склоне горки в заполонившие лощинку густые кусты. Несмотря на ярко-синие розы, обильно облепившие стволы, колючи они оказались настолько, что вполне сгодились бы на роль терновых. В которые даже волк лазить не любил.

Внизу, под плотным укрытием ветвей, было сыровато, но меня это не испугало. Не раз случалось отсиживаться и не в таких условиях, когда тетке ни с того ни с сего приходило в голову копать новый погреб или делать внеплановый ремонт. Причем, как назло, обязательно в праздник либо в воскресенье, совершенно наплевав на все мои надежды и намерения. На хуторе и так развлечений почти никаких, так она и последние отнимала.

Собрались мы, к примеру, с девчонками на Восьмое марта в соседнее село сходить, на праздничную дискотеку. А тетка после обеда достает мешок картошки да лопату и радостно так предлагает пойти посадить картошечки, чтобы ранняя была.

Действительно, весна в этом году пришла до срока, снег стаял, и крапива уже из земли на пригорках полезла. Но ведь не факт, что снежку снова не навалит, да и земля еще хорошо не провяла. Ни один дурак еще ничего не сажает, все апрельского тепла ждут. Так я тетушке и отпела, за что получила проповедь часа на полтора и лопату в зубы. И марш-марш картоху сажать. Снег, конечно, через три дня выпал-таки, но я же виноватой и осталась – накаркала.

Все это я припомнила, сидя на рюкзачке в кустах, и так мне грустно вдруг стало. В кои-то веки собралась наконец удрать от настырной тетушки и начать новую жизнь, так на тебе, принесло откуда-то этот смерч проклятый. Не иначе дыра какая-то между мирами образовалась, откуда он вы-

рвался, а потом меня с собой и прихватил. Другого объяснения я придумать не могу, у меня по физике выплаканная «тройка». Хотя и физикой тут вроде не пахнет... а тогда чем? Ну не магией же?! Кстати, о магии я тоже иногда думала. Да и как не задуматься, когда на визитке, что рыжая дала, было четко напечатано: «Виктория Вяземская, потомственная русская ведьма».

И это, по правде говоря, очень настораживало. Ну вот не верю я в ведьм, хотя и читаю про них с удовольствием. Может, потому, что недавно наш сосед дядя Петя из простого скотника вдруг превратился в колдуна и лекаря. После того как его за пьянку поперли с фермы, он несколько месяцев болтался в городе, говорят, работал в пивбаре, потом торговал на базаре. И вдруг вернулся, да не один, а с чемоданом, полным разных загадочных вещей. Это его жена Лизка рассказывала, и глаза у нее прямо-таки сияли от восторга.

А вскоре весь хутор с изумлением наблюдал, как дядя Петя выходит по утрам за коровник, приодетый в черный шелковый балахон с непонятными иероглифами на округлившемся пузе, и, подняв руки к восходящему солнцу, бормочет что-то вовсе несуразное. Соседки от любопытства едва с ума не сошли, специально выходили в огороды пораньше, вроде по делам, но ничего из его восклицаний не поняли. А потом тетя Лиза по большому секрету рассказала трем самым болтливым кумушкам, что ее Петечка ходил лечиться к известной ведунье, и она нашла у него талант к целительству.

Теперь он сам лечит от всех болезней всю семью и уже вылечил от тяги к табаку своего старшего, а тещу – от радикулита. Народ, конечно, посудачил, поприкалывался, но вскоре потихоньку потянулся к новоявленному лекарю, все же ближе, чем до райцентра полтора часа пилить. Да еще и билеты на электричку снова подорожали, а дядя Петя по знакомству брал не деревянными, а натурпродуктом.

Может, и я бы в его талант поверила, если бы не встретила пройдоху случайно на оптовом аптечном складе, куда приходила с Мариной. Сторожко поглядывая по сторонам, дядя Петя торопливо нагружал упаковками лекарств объемистый портфель, хотя все соседки в один голос утверждали, будто лечит он отварами целебных трав.

Вспомнив про Марину и интернат, я уныло вздохнула и полезла в рюкзак за кусочком хлеба. Хотя уже понимала, что продукты придется строго экономить. Что-то не видно было с горки, когда я озираала окрестности, не только городов, но и захудалой деревушки. Значит, таверны или постоянного двора, что тут у них бывает, мне не попадется еще бог знает сколько. А я ведь сегодня даже не завтракала. И с собой взяла всего ничего, думала, куплю, как обычно, в электричке мороженое или чипсы. Ну что стоило сунуть в рюкзак хоть десяток картошин или тот же творог? Отсюда, из неведомого далёка, желтоватый сочный теткин творог уже не представлялся совершенно несъедобным, как пару часов назад, в конце концов, его можно было вымочить в воде.

И вот тут я сообразила, что именно это и есть моя ближайшая нерешенная проблема. Если еды хоть немного, но имеется, то с водой абсолютный абзац. Ведь я не успела сунуть в рюкзак даже маленькую пластиковую бутылочку, в которой запасливая тетка брала в дорогу ледяной колодезной воды, каждый раз ворчливо поясняя, что чище и вкуснее нигде не найдешь. А если честно, то взять воду я и не подумала. Ведь меня ждал город, где на каждом углу громоздятся в витринах горы всевозможных бутылок с водой и напитками.

Пожалуй, не стоило вспоминать про воду, сразу просто по-страшному захотелось пить. Так сильно, словно три дня ничего не пила. Я минут пять нетерпеливо ерзала на тощем рюкзаке, придумывая уважительную причину, по которой должна немедленно отправиться на поиски ручья или хотя бы лужи, и наконец решительно вскочила на ноги, собираясь с боем прорываться вниз, через неприступную стену кустарника.

И в тот же момент резко присела, даже дыхание затаила. Быстрота реакции, не раз спасавшая меня в интернате, выручила и на этот раз. Всего одного взгляда на склон, с которого я скатилась в эти кусты, хватило, чтобы понять: двое мужчин в непривычной одежде что-то высматривают в цветущем кустарнике.

Хорошо еще, что стояли они ко мне спиной, иначе сразу столкнулись бы взглядами. Кстати, а вот с моими загадочными способностями глядеть туда и не нужно бы, даже сквозь

кусты.

Я пригнула голову к коленям и замерла, вглядываясь в камни, проступающие из тощей почвы. И повторяя про себя как молитву: «Пусть они меня не заметят, пусть уйдут!»

Сколько времени я так сидела, толком не поняла, когда чего-то ждешь, минуты тянутся просто как резиновые. А мобильника, чтобы посмотреть время, нет, тетка считала, что такое баловство мне абсолютно без надобности. Зато я, ей наперекор, наотрез отказалась надевать совершенно не модные в наше время часики. Тем более дешевые китайские. Сейчас-то и от таких бы не отказалась, вот только как они станут тут работать, еще тот вопрос. Может, в здешних сутках сорок часов или, наоборот, всего пять.

Что-то захрустело, захрупало со стороны, противоположной той, где стояли чужаки, и я насторожилась. Звуки были точно такими, словно на меня надвигалась косилка. Был у нас в соседнем районе несколько лет назад страшный случай, заснул мужик по пьяни в эспарцете... теперь ходит на костылях и всем рассказывает, как ему неслыханно повезло. Зато я с тех пор по полям хожу, не теряя бдительности, и, едва застрекочет поблизости какой-нибудь трактор, со всех ног несусь в посадку.

Привстав с рюкзака, пытаюсь на полусогнутых прорваться вправо, потом влево... и отчетливо понимаю: выход у меня только один – назад, на горку, к тем незнакомцам. Хотя я и опасуюсь их до дрожи в коленях, но неизвестного агрегата

боюсь еще больше. Угодить на костыли всегда казалось мне самым ужасным, что может случиться с человеком.

Начинаю яростно прорываться назад, но кусты, так легко пропустившие меня под свои ветви, теперь почему-то очень не хотят со мной расставаться. Колючие, гибкие веточки просто репьями вцепились в куртку и свитер, и несколько шагов, которые мне дались с величайшим трудом, вымотали сильнее, чем окучивание сотки картохи. А хруст ломающего кусты комбайна, или что это там еще, уже почти рядом, заставляя в панике рвануться со всех сил и, как следствие, запутаться намертво.

– Остановись, незнакомец, не торопись! – произнес оттуда, куда я рвалась со всей дури, звонкий голос, настолько мелодичный, что возникло законное сомнение, а действительно ли там, на горке, только мужчины. – Сейчас фуссо проде- лает просеку, и ты по ней выйдешь.

«Непонятно, к кому это он обращается», – мелькнуло в голове и пропало. Ужас перед жутким механизмом гнал вперед со страшной силой, в ушах даже зазвенело от напряжения. Желание убраться подальше от приближающейся опасности стало главным в жизни, таким яростным, жгучим, что почудилось, будто воздух вокруг меня начал греться, а лимонного цвета листья – как-то непонятно подрагивать, словно пытаюсь отодвинуться.

И в этот момент один из мужчин раздвинул настырные ветви и, ухватив меня за руку, сильно дернул к себе. Нет,

рука не оторвалась, хотя и были у меня пару секунд такие ощущения, даже вывиха не случилось. Произошло гораздо худшее: рукав моей старенькой курточки не выдержал и порвался. Причем не так, как обычно отрываются рукава в кино, ровненько по шву, нет, швы-то как раз выдержали, видать, качественные нитки были у китайцев. Треснула сама ткань в районе локтя, и возмущение, которое я испытала по отношению к непрошеному помощнику, очень помогло мне не опозориться в следующий момент.

Потому как именно в эту секунду я и увидела вблизи того, кому была обязана потерей единственной куртки. А позором всегда считала восторженные взгляды, которыми награждают некоторые девчонки красивых парней. Нет, высокие, симпатичные мне и самой, конечно, нравятся, но в этом я и под расстрелом никому не признаюсь. И тем более это не значит, что желаю каждому такому на шею бросаться.

А спаситель был очень хорош, я это рассмотрела в те несколько мгновений, пока мерила его сердитым взглядом. Глаза голубые и фантастически прекрасные, как у дорогой фарфоровой куклы, я таких по ящику видела. А волосы... ну нет у наших парней таких волос – словно парик из серебряной фольги, так и сияют. Никаким «Хед энд шолдерзom» так не намоешь. В общем, не мужик, а картинка с обложки журнала – причем очень дорогого. И одежда необычная... нет, толком не опишу, не хватало еще шмотки на чужих парнях так же спокойно изучать, словно они манекены.

Заметила, конечно, что все совершенно чужое, даже смешным кое-что показалось, но в тот миг мне было вовсе не до того.

– Какого колобка ты меня так за руку дернул?! – вызверилась я, едва ощутив под ногами каменную твердь. – Еще и куртку порвал! Что, дурную силу некуда девать?!

В приветливых ясных глазах промелькнуло изумление, а за ним, словно надежно прикрытое пологом невидимости, тенью скользнуло нечто такое жесткое, нечеловеческое, что у меня на голове под кепкой даже волосы от ужаса шевельнулись. А чужак уже снова лучезарно улыбался во весь рот и своим необыкновенным голосом феи из какого-то мультика просил у благородного незнакомца прощения за свой нечаянный проступок. Он ведь лишь желал помочь выбраться из зарослей колючей погибели, а что куртку порвал, так не беда, тут неподалеку его дом, и в гардеробе найдется подходящая одежда. И под мелодичное журчание этих слов, просто сочащихся доброжелательностью и любезностью, ледяющий душу ужас, что я испытала минуту назад, начинал казаться чем-то невыносимым, едва ли не самообманом.

И тут я наконец сообразила, что это он меня все время крестит незнакомцем, – значит, за парня принял. Ну да это как раз и неудивительно, женщины и у нас во многих странах брюк не носят.

Зато куча других вопросов вылезает, но не настолько уж я лопухая, чтобы их сейчас задавать. Мне бы только слинять

отсюда под благовидным предлогом, который почему-то никак не желает придумываться.

Шорох и хруст раздались прямо за спиной, и меня словно порывом ветра кинуло подальше от кустов.

– Не бойся, это Фуссо, – с тонкой усмешкой успокоил меня правильно понявший этот маневр плейбой. – Он всего-навсего мое домашнее животное.

И снова в голосе чужака скользит еле заметная язвительность, вот только мне некогда разгадывать ее причины, – из просеки, проделанной в кустах, вылезает нечто настолько ужасное, что я бы завизжала и рванула куда подальше, если бы хозяин монстра это не предусмотрел. И потому стою, выловленная за целый пока рукав, а рука незнакомца держит его так крепко, что мне невольно взгрустнулось по тетушке. Вот от нее я выкручивалась за пару секунд.

А от этого – пока подожду, но только до того момента, пока не появится ясность, куда бежать-то. Вылезший из кустов монстр тем временем пришлепал поближе и послушно замер перед хозяином. Нет, я и тут не завизжала – и пострашнее видела. В компьютерной игре. Есть у одной моей подружки комп, и даже модем к нему. Натуральный наркотик, хотя ее предки почему-то рады. Светка с нами ни на речку, ни на дискотеку в Ивановку не бегает; как дела по хозяйству переделала, так в свой инет лезет. У нее там тоже вроде как друзья, только я этого не понимаю. С одной стороны, живые, даже поговорить можно, а с другой – как надоест им или на-

стоящие придут, отсоединяются – и сиди с намытой шеей. Вот тогда она игрушку и включает, там у нее тоже друзья и монстры различной степени пакостности.

– Молодец, Фуссо, – небрежно кивнул незнакомец, – хорошо поработал, получишь сегодня кусок мяса. Иди за нами.

Жуткая тварь ростом со стол, напоминающая краба на куриных ногах, послушно обойдя нас, замерла позади. Чужак потянул меня за локоть, и я безропотно шагнула вперед, прекрасно понимая – сбежать от них сейчас мне и близко не светит.

Впереди топает так ни слова и не сказавший спутник серброволосого, сзади – его монстр. А рядом он сам, продолжая крепко меня придерживать, вроде как с благими намерениями не дать споткнуться. Хотя мне тетушка все уши прожужжала, повторяя, что благими намерениями выслана дорога в ад. Да и мой собственный жизненный опыт подтверждает: никто ничего за просто так случайно встреченному незнакомцу делать не будет. Значит, нужно им от меня что-то, вот как бы еще узнать поточнее?

Если бы он с первого взгляда определил во мне девчонку, тогда я могла бы предположить один совершенно невероятный вариант – что заинтересовала такого красавца как жертва для извращенного сексуального эксперимента. Для всего остального у такого парня должно быть не менее батальона поклонниц.

Но поскольку этот вариант, к моей несказанной радости,

отпадает, версий, за каким фигом ему потребовался выуженный из колючих кустов парнишка, у меня ноль целых и ноль десятых. Кроме самых жутких, разумеется, но их я пока стараюсь гнать из головы. Чего себе заранее нервы портить, а вдруг еще обойдется? Надежда, как все говорят, умирает последней.

Куда мы топаем, пока непонятно, по самому дну лощины вьется пробитая в зарослях просека, точная копия дорожки, проделанной к моему убежищу монстром. Припомнив его огромные передние лапы, похожие на клешни рака, начинаю догадываться, кто именно ее и прорубил. Очень полезная домашняя зверушка. Подозреваю, что с такой можно гулять без опаски в любом лесу, битком набитом хищниками. Что ему какой-то хищник, если под ногами мне иногда попадаются чисто срезанные стволы толщиной в руку?

«О-ох! Ну и лохушка же ты, Катерина! А еще считалась ушной и осмотрительной! А такой простой вещи сразу не сообразила!» – пилила я себя любимую за свою недогадливость. Совсем мозги растеклись, едва тебе пару раз улыбнулся красавчик-абориген. До того докатилась, что утратила бдительность и не смогла сложить два и два, хотя обычно быстрее всех в интернате решала заковыристые задачки по логике и всегда угадывала еще в начале детективов, кто окажется убийцей. Простую вещь не сразу заметила – что пеньки на просеке, по которой тебя ведут, еще мокрые от сочащегося сока.

Значит, эта скала – вовсе не любимое место для каждодневных прогулок туземцев, и пробивались они на нее с какой-то целью. А если добавить тот факт, что, встретив меня, туземцы резко расхотели гулять, то и вывод тут только один.

Не знаю, как уж они проведали, что я там сижу, но шли именно за мной. И от осознания этого ясного факта мне стало как-то очень не по себе. Даже захотелось назад, к тетке, все же не такая она и вредная, просто жизнь у нее тяжелая. И творог она меня три дня есть бы не заставила, это-то точно. Хоть и крута иной раз бывает, но отходчива, уже к обеду, поглядев на мое нарочито несчастное лицо, отобрала бы несчастную миску и бухнула на стол полную тарелку моей любимой картошки, жаренной тоненькими румяными ломтиками с хрустящей корочкой. Я украдкой вздохнула и задвинула эти воспоминания подальше. Мне не ностальгию сейчас разводить нужно, а о своей шкуре подумать. И постараться как-нибудь разведать, зачем все-таки я им понадобилась.

А для этого я знаю лишь один способ – нужно включить дурочку. Вот только пока этого делать не стану – рановато. Сейчас для меня самое правильное – поменьше говорить и побольше слушать, а еще лучше – постараться запомнить все, даже самые мельчайшие детали. Неизвестно, что может помочь выбраться на свободу, все-таки надежда... Ну про это я уже упоминала.

– Высоты не боишься? – с очень доброй улыбкой смотрит холодным испытующим взглядом красавчик. – Кстати, мы

еще не познакомились. Мое имя Роул, а твое?

– Кэт, – произнесла я с легкой запинкой свою уличную кличку, чудом успев в последний момент поймать вертевшееся на языке «Катя». – А высоты не боюсь.

– Тогда садись, Кэт, – показывая на стоящее на ровной площадке странное сооружение, предложил Роул. – Я пристегну.

Сердце затрепыхалось от предчувствия опасности: садиться в непонятное креслице, словно срезанное в интернате с качелей для младших и установленное на торчащие в стороны ножки, не хотелось категорически. Однако Роул смотрел ожидающе, а стоящие неподалеку два таких же сооружения вселяли слабую надежду, что это кресло вовсе не пыточное. Я в последний раз оглянулась на замершего в двух шагах от меня Фуссо... Нет, не убежать мне от него, – и, не снимая с плеч рюкзачка, обреченно опустилась на сиденье.

Довольно мягкое и комфортное, к моему изумлению. Роул ловко пропустил между подлокотниками широкий кожаный ремень и закрепил его сбоку. На вторые качели шустро взобрался монстр, и его приматывал молчаливый напарник Роула, на третье сел он сам.

Несколько минут не происходило ровным счетом ничего, и я успела почти расслабиться, как вдруг по площадке метнулись темные тени, и чьи-то огромные крылья мелькнули перед моими глазами. В тот же миг я почувствовала, что земля под моими кроссовками провалилась. Зажмутив глаза и

сжав зубы, чтобы не завизжать, изо всех сил вцепляюсь пальцами в подлокотники и несколько мгновений жду страшного удара... пока по бьющему в лицо потоку теплого воздуха не начинаю понимать, что именно произошло на самом деле. Это не земля провалилась, это я лечу. Опасливо приподнимаю ресницы и сразу захлопываю снова, столько солнца и ветра рвется мне прямо в лицо. Эх, жаль, что рюкзачок сейчас не достать, там должны быть солнцезащитные очки, если не забыла бросить.

Полет продолжался недолго, минут десять, потом под ноги внезапно ударила земля, и стих бьющий в лицо ветер.

– А ты молодец, Кэт, и правда не боишься высоты, – прозвенел рядом серебристый голос хозяина, и я осторожно приоткрыла глаза.

Чтобы от потрясения тут же распахнуть их во всю ширь. Там, на горке, когда Роул сказал, что у него неподалеку дом, мне вначале представился небольшой домик вроде теткинго. Когда он сказал про гардероб, дом, появившийся перед моим мысленным взглядом, заметно подрос и стал добротным, как особняк председателя колхоза.

Но то строение, что возвышалось теперь перед моими глазами, было по меньшей мере дворцом. Необыкновенно, поразительно, волшебным красивым дворцом для сказочного принца. Причудливо сложенным из фиолетового местного камня, отполированного до зеркального блеска. Вокруг дверных и оконных арок, а также по замысловатым высту-

пам, названий которых я не знала, вился потрясающе изящный орнамент, выложенный из того же камня, только более светлых, тщательно подобранных оттенков.

– Красиво? – заметив мой восторг, усмехнулся Роул, и снова почти незаметная тень холодного превосходства скользнула в его голосе.

Теперь я точно знала, что не ошиблась. Меня в таких вещах обмануть трудно – в интернате высокомерный тон и снисходительные взгляды научилась чувствовать даже спиной. Значит, мое положение еще хуже, чем можно было надеяться. Да тут любому дураку ясно: не станет хозяин таких хором просто так лазить по горам, чтобы спасти из колючих кустов какого-то заблудившегося парнишку. Даже если предположить, что душа у него необычайно добрая и ранимая, мог бы в лучшем случае слуг послать с тем же монстром.

– Очень, – ответила я честно.

Врать в том, что ясно и без слов, смысла не имеет, да я и в принципе против вранья. Совершенно другое дело – дезориентация врагов, но до такого поворота события пока не дошли, и я очень надеялась, что и не дойдут.

Хозяин скривил в ответ уголок рта, нетерпеливо постукивая ногой, пока прибежавшие парни в одинаковой униформе споро отвязывали нас от сидений. Едва слуги сняли ремень, Роул стремительно вскочил с кресла и куда-то помчался, по пути небрежно кивнув в мою сторону.

«И опять я оказалась права», – украдкой горько вздыхаю,

топая вслед за лакеем, молча, но настойчиво давшим понять, что от меня требуется. Теперь я уже сто раз пожалела, что не попробовала сбежать там, на горке. Хотя бы убедилась, что не упустила ни одной отпущенной мне судьбой возможности. А вот отсюда не стоит даже пытаться. Вокруг дворца высятся, просвечивая сквозь ветви деревьев, неприступные стены все из того же камня, а за ними – еще более высокие скалы. Я, конечно, занималась в интернате спортом, там слабому не выжить, но скалолазанием никогда не увлекалась. Нет вокруг нашего райцентра ни одной горки, и даже вокруг города их нет. Потому и не выйти мне из этих скал, даже если смогу перебраться через стену.

Слуга открыл передо мной дверь и с непроницаемым выражением лица застыл рядом с ней. «Та еще сволочь, привел пленника незнамо куда, и даже объяснить ничего не желает», – обозлилась я, проходя мимо. А комнатка-то не для дорогих гостей, как я погляжу. И обстановка вся каменная. Стол, скамья и даже невысокое ложе. Ну еще бы, у них тут горы под боком, ковыряй себе сколько хочешь. Правда, на лежанке что-то меховое постелено, и на том спасибо.

Я шлепнулась на этот мех и уныло уставилась на захлопнувшуюся дверь. Судя по обращению, церемониться со мной никто не собирается. А ведь как учтиво хозяин в горах разговаривал, хотя мог бы и сразу приказать.

Или не мог? Почему мне кажется, что я что-то пропустила? Или не успела обдумать как следует? Ну так теперь самое

время. Думай, Катька, думай, пока есть возможность.

Возможности подумать мне не дали: дверь бесцеремонно распахнулась и в комнатку вошла крепкая женщина, похожая лицом на лакея, что привел меня сюда. Как родная сестра. Из-за этой похожести я ее невзлюбила с первой минуты и настороженно следила за каждым уверенным движением. А вошедшая спокойно занималась своим делом, не обращая на меня никакого внимания.

Разложила на скамье какую-то одежду, явно мужскую, поскольку сама была одета в темную широкую юбку до щиколоток и пеструю старушечью кофту. Двое слуг притащили высокий таз и ведра, очевидно, с водой.

Они что, думают, я сто лет не купалась, что ли?! Что сразу ринусь бултыхаться в этом дурацком тазу? Да у меня даже у тетки, несмотря на то что деревня, ванная в доме! Хотя и с газовой колонкой.

А служанка тем временем закончила все приготовления и ушла. Зато вошел ее молчаливый брат, теперь я была в этом почти уверена, и показал мне на таз.

– Не-а, – мотнула я головой. – Не желаю.

– Надо. – Слуга сдернул меня с лежанки.

– Я тебе говорю – нет! – обозлилась я. – И вообще, выйди отсюда.

– Я помогу, полью. – Молчальник тоже начинал сердиться, но допустить, чтобы меня купал мужик... ну уж нет, лучше сразу в окно.

Резко выдергиваю из его руки многострадальный рукав куртки и меряю упрямым ненавидящим взглядом. Вот бес-толковый, никак не желает понимать очевидного. Не сдамся я.

– Надо! – решительно прикрикнул он и сорвал с моей головы кепку.

Коса, второпях кое-как собранная под кепку, расплелась, и волосы пышной гривой упали мне на лицо, но я все же успела разглядеть, как потрясенно вытянулось его лицо. Еще несколько мгновений он разглядывал мои щеки, покрасневшие от возмущения, потом резко развернулся и почти бегом выскочил из комнаты. Не забыв, однако, плотно прикрыть дверь и брякнуть снаружи засовом.

«Ну вот теперь, Катерина, начинается самое занимательное», – недовольная тем, что невольный обман раскрылся так скоро, мрачно объявила я себе, снова шлепаясь на мех. – Вот только не факт, что тебе это понравится. Вполне возможно, сейчас ты потеряла последний шанс на свободу... или даже на жизнь».

«Но хоть немного подготовиться все же не помешает», – твердил свое безрассудный оптимизм, и я, скорее от растерянности, чем по здравому смыслу, достала из рюкзака щетку. Расчесала волосы, заплела, свернула кольцом и посадила крабика. Потом, криво подмигнув зеркальцу, мазнула по губам блеском, а по ресницам тушью. Помирать так с музыкой.

И приготовилась ждать, как совершенно чужие люди чужого мира решат мою судьбу. Заранее уверенная: каким бы ни оказалось это решение, мне оно не понравится.

Однако, как ни странно, ждать пришлось всего несколько минут.

Снова громыхнул засов, и в комнату ворвалась давешняя служанка. Уставилась на меня недоверчивым взглядом, потом стремительно шагнула вперед и рванула рукой ворот куртки, пытаясь ее распахнуть.

Сообразить, что она еще собирается сделать, я элементарно не успела, автоматом сработала отточенная в интернате самооборона. Резкий выпад костяшками правой руки в нос обидчице, и сразу удар левой ногой под колено. Служанка охнула и согнулась, выпустив от боли мою куртку, а я отскочила к приоткрытой двери. Если хочет дать сдачи, то пусть сначала догонит.

Осторожно высунула нос за дверь и обнаружила, что коридор пуст.

Ха. А почему бы нам не поиграть в прятки? Какое-никакое, а развлечение. Быть может, последнее в жизни. Выскочив в коридор, захлопываю дверь и с неожиданным для себя удовольствием опускаю тяжелый засов. Ну вот и первые положительные эмоции.

В какую сторону теперь?

Точно помню, мы пришли справа, и там мне ничего интересного не встретилось. Значит, идем налево. Не тратя дра-

гоценных секунд на раздумья, бегу по широкому коридору, время от времени останавливаясь возле дверей и прислушиваясь к тому, что творится за ними. И не забывая бдительно приостанавливаться перед пересечениями с другими коридорами и лестницами.

И все же чуть не попала. Уже почти шагнула за угол очередной арки, выходящей на лестницу, как заметила спускающихся по ней мужчин. Первым топал Роул, второй шел следом, и его разглядеть я просто не успела.

Метнулась было назад, да заметила – и с той стороны в коридор кто-то вошел. Вот это я попала. Безо всякой надежды, просто так, на всякий пожарный, толкаю ближайшую дверь, и вдруг она мягко, без скрипа, подается внутрь. Одного мгновения хватило мне, чтобы скользнуть в плохо освещенное помещение и захлопнуть за собой дверь. Да еще и засов задвинуть, оказалось, в этой комнате он изнутри. Значит, я все-таки была пленником, пропали последние слабенькие сомнения, иначе не посадили бы под замок.

Ну так пусть теперь поищут, а потом еще и ломают двери. Сама я их открывать не собираюсь. Поправив на плече рюкзачок, отправляюсь исследовать захваченную территорию и первым делом раздвигаю плотно сдвинутые тяжелые портьеры на окне. Веселые солнечные лучи ворвались сквозь толстые неровные стекла, расписанные разноцветными узорами, осветили мириады пылинок, поднятых моими решительными действиями.

Хм. Похоже, эту комнату давно не пылесосили, и если вдуматься, это даже хорошо. Просто замечательно. Следовательно, постоянно никто тут не живет, и, возможно, скоро не вернется.

Я уже спокойнее и внимательнее оглядела довольно просторное помещение, делая одно за другим удивительные открытия. Судя по всему, тот, кто обставлял эту комнату резной деревянной мебелью, делал это с большой заботой и любовью. Именно так когда-то папа оборудовал мне детскую. Я до сих пор помню каждую мелочь и каждую картинку на обоях, хотя мне не было и двенадцати, когда родителей не стало.

В этой комнате, которой по размеру скорее подходит название «зал», все устроено так удобно и уютно, что сердце кольнула невольная зависть к уехавшему владельцу. И горькое сожаление, что мне тоже вскоре придется ее покинуть. Абсолютно не по своей воле.

А пока немного полежу на удобном диванчике, лишь пыль сперва стряхну. Вот только чем? Я медленно прошла вдоль стен, открыла одну дверцу, другую, надеясь, что какая-нибудь ненужная тряпка сама попадется на глаза. Но в шкафах висели лишь очень нарядные мужские костюмы примерно на мой рост. А за последней дверцей оказалась туалетная комната с маленьким круглым бассейном из полупрозрачного розового камня.

Стало быть, аборигены все-таки не такие уж отсталые, и в

медных тазиках купают исключительно пойманных пленников.

Как бы еще разузнать, зачем они нас ловят?

Некоторое время спустя я обнаружила, что в задумчивости убрала почти всю комнату. Стерла пыль, стряхнула у входа меховые накидки и уже домываю полы. Великая сила привычки. Всегда, когда хотела разобраться в себе или в очередном конфликте, шла к Марине и начинала мыть медпункт. И ей польза, и у меня, пока руки делают привычное дело, в мозгу само собой складывается правильное понимание ситуации.

А вот сегодня почему-то никакой ясности в голове нет, хотя я уже старенькую рубашку, которой мыла полы, пристраиваю сушить возле шкафчика в ванной.

Вот и все, чистота и порядок. И заняло не больше часа, судя по моему опыту. Интересно, а почему это из коридора не слышно суеты, криков, топота? Меня что, искать никто не собирается?! Время-то к обеду, а я сегодня и не завтракала. Тот кусочек хлеба, что в кустах сжевала, ведь даже завтраком назвать совестно.

Вот зря я вспомнила о еде – сразу в животе закрутило, словно неделю голодаю по методу того дядечки, которого так любит смотреть по ящику моя тетка.

«А, семь бед...» – вздыхаю, доставая из рюкзака свои припасы, чего их беречь, может, мне и жить-то осталось считанные часы.

Порезала сало и остаток хлеба, сделала бутербродики – салбургерами мы такие зовем, и пожалела, что кипяточку нет, чай заварить. Да и сахар я взять не догадалась, так ведь и собиралась-то вовсе не сюда. Принесла в кружке воды из ванной погорячее, сунула туда пакетик, делать нечего, придется таким обходиться.

Сажу в удобном кресле, жую салбургер, бледным чайком запиваю и непрестанно решаю в уме задачку, в которой нет ни одного известного значения. Но от решения которой зависит вся моя жизнь.

На тихое шипение вначале внимания не обратила, занятая своими мыслями, а потом всполошилась, обернулась... и едва не подавилась.

Рядом со мной стоял на своих гигантских куриных лапах Фуссо, непонятно откуда взявшийся в моем убежище, и, угрожающе размахивая страшными клешнями, злобно фырчал. Судя по поведению, монстр был в ярости, и причиной ее была, разумеется, я. Наверное, это Роул заставил его меня искать...

Вот тут мне внезапно вспомнились слова хозяина про большой кусок мяса, сказанные с каким-то подтекстом, и страшная догадка зародилась в мозгу. Это не меня ли он имел в виду? «Хотя нет, – отлегло от сердца, – это вряд ли. Мясо не возят в креслах, можно просто в мешке».

Фуссо снова зашипел по-змеиному и звонко клацнул клешнями.

– Хочешь сожрать меня – так жри, только побыстрее! – обозлилась я. – А над ухом щелкать нечего.

Монстр замер, словно понял сказанное, и перестал шипеть. А потом и вовсе клешни к пузу подтянул.

– Вот и умничка, – сочла нужным похвалить его.

А чего теряться? Моя тетка со всеми живыми существами разговаривает и всерьез утверждает, что они ее понимают.

– На лучше сала попробуй, – вспомнив, что всякий результат нужно закреплять, протягиваю монстру последний салбургер.

Он смотрел на меня и салбургер своими жуткими фасетчатыми глазами, и мне прямо-таки виделось, как под его плоской черепушкой ворочаются примитивные мозги. «Еще не поймет, что именно брать нужно, и как цапнет за руку!» – пришла встревоженная мысль, заставив меня почти бросить салбургер перед Фуссо и отдернуть ладонь.

Он или она, а может, и вовсе оно осторожно подхватило еду кончиками клешни, поднесло к глазам, внимательно изучая, затем сунуло в разинутую пасть. Очень жуткую, у меня от этого зрелища аж салбургеры в желудке испуганно в комок сжались.

По форме как у лягушки, от одного ушного отверстия до другого, только полметра длиной и густо усеянную тонкими, чуть загнутыми клыками.

А монстр стоит неподвижно и то ли еще подачи ждет, то ли обдумывает, а не пора ли приступить к основному блюду.

– Больше ничего нет, – сообщила я безнадежно. – Иди, зая, гуляй.

А как его еще звать, если он слова понимает? Назовешь уродом, еще обидится и сожрет. Хотя сожрать меня он и безо всякой обиды запросто может.

Монстр пару секунд покачался на своих кривых лапах, повернулся и потопал к двери.

«Интересно, а что это он делать собрался?» – всполошилась я.

И правильно встревожилась. Дотопав до дверей, – кстати, передвигается он, оказывается, очень быстро, – Фуссо вмиг отодвинул засов и потянул ручку на себя.

– Нет! – еще успела крикнуть протестующе.

Поздно – несколько стоящих за дверью субъектов, видимо, давно этого ожидали.

Первым в комнату решительно шагнул Роул и уверенно направился ко мне. За ним шел тот молчун, что остался на горе, как я подумала в тот момент. Значит, не остался, и его тоже принесли неизвестные существа с крыльями. Следом за ними почтительно семенила служанка с обиженной физиономией, на которой свежесозревшей помидориной выделялся распухший нос. А сзади топал ее братец.

«Надо же, сколько взрослых аборигенов на одну иномирную пацанку», – фыркая про себя, с интересом ожидая начала разбираловки. А что мне еще остается?

Остановившись прямо передо мной, Роул пару секунд

внимательно разглядывает мое лицо таким холодным изучающим взглядом, словно он участковый, пришедший в интернат выяснять подробности пропажи простыней из шкафов кастаньянши. И под этим испытующим взором я осознаю окончательно – ничего хорошего или доброго ждать от этого человека не стоит. Впрочем, а с чего я решила, что он тоже человек? Если верить книжкам, в этих мирах кто только не живет, всех сразу даже не припомню.

– За что ты ударила Бишу? – своим необыкновенным голосом спрашивает хозяин, и хотя ни в его тоне, ни в вопросе нет ни капли угрозы, холодок, скользнувший по спине, заставляет зябко передернуть плечами.

– Потому что не выношу, когда меня хватают за одежду, причем грубо, – дерзко выпалила я, прежде чем успела вспомнить недавнее решение быть терпеливой и осмотрительной.

– Почему же ты не ударила меня?

Каверзный вопрос. Вот только интернатская жизнь каждый день ставила передо мной не менее неразрешимые проблемы, например, как не дать старосте списать реферат по истории и одновременно не нажать в ее лице кровного врага.

– Ты меня спасал, – тихо лепечу, честно уставясь в невыносимо прекрасные глаза, и сразу скромно опускаю взгляд, очень надеясь, что это будет расценено как смущение.

Непроизвольно искривившая красивые губы самодовольная ухмылка подтвердила, что желаемого эффекта я достиг-

ла.

– А почему сразу не сказала, что ты не мальчик? – Голос Роула стал чуть мягче или мне только показалось?

«А может, это очередная каверза», – одернула глупую надежду недремлющая бдительность.

– Меня никто не спросил, – бурчу с преувеличенной обидой, дескать, сами виноваты, что приняли девочку за мальчика.

– Биша назначена твоей служанкой, надеюсь, никаких недоразумений больше не будет? – не столько спрашивает, сколько приказывает хозяин.

Я усиленно киваю, упорно не желая давать никаких обещаний, – эта ябеда вызывает во мне все большее раздражение.

– Вот и отлично. – Довольная усмешка змеится по губам хозяина, и он, уже повернувшись к выходу, небрежно бросает на ходу: – Тогда отправляйся в свою комнату.

– А можно, – летит вслед моя нахальная просьба, – я буду жить здесь?

Роул остановился и обернулся так круто, что мне показалось, он сейчас упадет.

– Эта комната занята.

Слишком резко и категорично, даже голос на миг потерял свою мелодичность и в нем проскользнули скрипучие нотки.

– Но тут было так пыльно, как будто очень давно никто не входил, – еще спорю я, хотя рассудком уже понимаю, на-

сколько большая глупость с моей стороны – перечить хозяйину.

– Биша? – чуть повернул к служанке голову Роул, и у нее затряслись побелевшие пальцы.

Ну вот, теперь наша антипатия будет обоюдной.

– Ваша светлость... так ведь он...

Больше Биша ничего не успела сказать – Роул грубо перебил ее, отсылая из комнаты повелительным движением руки.

– Хорошо, живи здесь. – Мне показалось или в его дивных очах на самом деле мелькнул отблеск бешеной ярости. – А ты, Фуссо, с этого момента за нее отвечаешь.

Не дожидаясь, пока я пролепечу слова благодарности, хозяин четким шагом покинул комнату, всем своим видом давая понять, как возмущен моей наглостью. Его спутник, так и не проронивший ни слова, тенью скользнул следом. Дверь закрыл ушедший последним слуга, и мы остались вдвоем с монстром.

Вот только страха перед этим гигантским крабом на куриных ногах у меня больше не было ни грамма. Ведь если он настолько разумен, чтобы за кого-то отвечать, значит, жрать точно не станет. Да и побоится гнева хозяина, без лишних объяснений понятно, что наказания в этом прекрасном дворце намного суровей, чем просто выговор.

Усевшись на стоящий у стены диванчик, пытаюсь хоть немного разобраться в ситуации. Пока непонятно, к худу или к добру я расшифровалась, но что хозяину от меня что-то

нужно – это несомненно. Теперь моя главная задача – понять, что же именно. И при возможности постараться не лохануться, если будет хоть какой-то шанс выторговать себе жизнь, а еще лучше и свободу.

В дверь что-то громко стукнуло, я машинально крикнула: «Да!» Но стук повторился еще и еще... и наконец стало понятно – никто к нам не стучится, это к двери прибивают засов.

Забравшись с ногами на меховое покрывало, поудобнее подталкиваю под голову рюкзак и устало закрываю глаза. Если бы заранее знала, чем закончится побег от тетки, заперла бы изнутри все двери в доме и ключи в форточку выбросила.

«Интересно, а кушать тут когда-нибудь дают?» – мелькнула напоследок грустная мысль, и сон накрыл меня тревожной темнотой.

– Щас я встану... и все сделаю... еще одну минуточку... всего одну... – бормочу, не открывая глаз и стараясь натянуть одеяло на голову. – Ну теть, вот честное слово... уже встала.

Тетка, как обычно, ни на миг не поверила моим обещаниям и решительно сдернула одеяло.

– Ну тетка... – жмурясь от света и поджимая под себя ноги, обиженно заныла я. – Ну имей совесть!.. Всего минуточку, и я как штык подою твою Зорьку!

Тетка зашипела рассерженной змеей и дернула за штани-

ну. Еще до конца не проснувшись, автоматически отдергиваю ногу и слышу подозрительный треск.

Сон как рукой сняло. Распахиваю глаза и обнаруживаю нависшую надо мной зубастую пасть Фуссо. Перевожу взгляд дальше, проверить, что же все-таки трещало... Ну ничего себе сюрпризик! Одна штанина почти новых джинсов снизу словно ножом разрезана.

– Что ж ты, скотина, творишь?! – напустилась я на монстра, не обращая никакого внимания на его страшную клешню, болтающуюся перед моим лицом. – Ты знаешь, что я на эти джинсы почти год деньги откладывала?! А теперь их можно выбросить! Разрезы, конечно, – модно, но не там! Ну за каким колобком ты меня вообще будил? Хозяин, что ли, велел?

Фуссо зашипел еще сильнее, словно злится на что-то, уродина. И если мне не почудилось, то вроде как зовет непонятно куда.

– Ну ладно, что там у тебя? – бурчу с досадой, втискивая ноги в кроссовки. – Показывай.

Нет, с мозгами у этой скотины точно не все в порядке. Только подумать, он рубашку, которой я полы мыла, на кровать притащил и на меховом одеяле, или как оно называется, разложил! И теперь сердито на меня шипит, клешней над этой тряпкой размахивая.

– Нельзя было этой рубахой пол мыть? – предположила я и по разъяренному фырканию поняла, что угадала. – Но

она же старая, посмотри – на локтях потерта, и ворот тоже... Там в шкафу много хорошей одежды, не переживай, когда хозяин комнаты вернется, он про это старье и не вспомнит!

Услышав мои объяснения, Фуссо просто озверел от ярости – подскочил к шкафу, выхватил несколько первых попавшихся вещей и вмиг взбешенно искрошил их на лоскутки.

«Черт, наверное, эта рубашка как-то связана в его примитивном мозгу с хозяином комнаты», – расстроилась я. Может, именно ее тот надевал, когда выводил Фуссо на прогулку... или кормил... не важно, но его злость мне понятна и близка. Точно так же я до сих пор свято храню мамину перчатку, которую она случайно оставила в прихожей в тот проклятый день, и папины домашние очки, он их терял по пятнадцать раз за вечер.

– Слушай, зая, а давай я ее отстираю и попробую зашить, раз она тебе так дорога? – чувствуя свою вину, пытаюсь договориться с чудищем, все-таки нам еще долго общаться придется... надеюсь, что долго.

Но он мне, похоже, не поверил. Или не понял, что я сказала? Рубашку, то есть теперь уже половую тряпку, утащил в дальний шкаф и там спрятал, а к дверце шкафа скамеечку приставил, единственную, которая в комнате была не из дерева. На ней до этого горшок с полузасохшим растением стоял, теперь он в угол задвинут.

В полной оторопи от его выходок направляюсь назад к диванчику за рюкзачком и нечаянно обнаруживаю, что на сто-

ле неизвестно когда появились тарелки, вилки, кувшинчик с кружкой, а самое главное – прикрытые крышками горшочки и миски, которых там раньше не было.

Обед! Вот это хорошая новость! Немного поздновато, но лучше уж поздно, чем никогда. Без излишней скромности шлепаюсь на стул и начинаю снимать крышки. Уговаривать поесть меня не придется, да на самом деле и некому. Наверное, еду принесли, когда я спала. Могли бы и разбудить ради такого благого повода.

В одной из мисок обнаружили булочки, вполне земные на вид. В другой – нечто, отдаленно похожее на кашу. В небольшом горшочке – какой-то то ли суп, то ли соус. А в последнем, широком и низком, горшке – несколько румяных кусков жареного мяса, от одного вида которых я пришла в отличное расположение духа. Вот теперь я согласна и взаперти посидеть, с таким-то меню.

Знакомое шипение раздалось рядом, едва я взяла в руки двузубую вилку с непривычно длинной ручкой и положила на взятую из стопки тарелку булочку.

– Фуссо, – чувство вины еще не выветрилось из моей души, – хочешь кушать?

Наколов на длинную вилку самый большой кусок мяса, протягиваю монстру, и он мгновенно исчезает в страшной пасти. Следующий кусок кладу на свою тарелку, но молниеносное движение клешни в тот же миг отправляет его следом за первым. «Ну ничего, там еще достаточно», – успокаиваю

себя, потянувшись к горшку.

Злобное шипение и клацнувшая по вилке клешня заставили меня отшатнуться. А монстр ловко подхватил со стола горшок и мигом вывалил все его содержимое в огромную пасть.

«Ничего себе выходки!» – поглядывая на ополовиненные зубцы вилки, ошарашенно вздыхаю я, наблюдая, как Фуссо бросает в рот булочку, потом сует кончик клешни в кашу и, зачерпнув как ложкой, отправляет неизвестную еду себе в рот. Последним взмахом вылив себе в рот содержимое кувшинчика, монстр великодушно пододвигает мне оставшиеся булочки.

– Спасибо, – язвительно фыркнула я, но отказываться не стала.

Хоть какая-то еда. Жаль, запить нечем, впрочем, я не неженка, могу и просто водой, в интернате не раз приходилось.

А Фуссо уже до блеска вылизал длинным раздвоенным языком миски и кувшинчик и, сложив клешни на пузе, успокоенно застыл подле шкафа, где спрятано его сокровище. Засов на двери загремел, когда я уже давно доела булки и запила их водой, налитой из крана в ванной. Вкусной, как из теткиного колодца, – воняющую хлоркой воду из интернатских кранов, которую все мы постоянно пили, с ней и рядом не поставить.

Вошедшая в комнату Биша, демонстративно поджав злые

губы, молча собрала со стола пустую посуду и ушла, не удостоив меня даже взглядом. Но мне было как-то поровну ее выступление, после еды снова неуклонно потянуло в сон, хотя я вроде особой засоней никогда не была.

Добредя до облюбованного диванчика, укладываюсь на прежнее место и подтягиваю на себя меховое одеяло. Хоть на улице весь день светит летнее солнце, в комнате довольно прохладно. От каменных стен, что ли?

Странное состояние полусна постепенно охватило меня: вроде все слышу и даже вижу сквозь полуприкрытые веки, но почему-то не могу ни двинуться, ни заговорить.

Бряцанье засова доносчиком сообщает о пришедших гостях, а шорох шагов – о том, что они совсем близко. И хотя я все слышу и понимаю, но не могу шевельнуть даже пальцем. А что самое странное, несмотря на ясные мысли, исчезли все эмоции, и я больше не испытываю ни страха, ни возмущения. Словно это не меня изучающе рассматривают, словно засушенную бабочку, холодные кукольные глаза и другие, непроницаемо-черные, как космос. И не в моем, грубо выдернутом из-под головы рюкзаке копаются чужие бестактные руки. Непонятное оцепенение позволяет мне только отстраненно фиксировать эти действия, не оставляя никакой возможности на них ответить.

– Она точно ничего не чувствует? – словно продолжая начатый разговор, спрашивает уже знакомый голос, странным образом подрастерявший изрядную долю своей мелодично-

сти.

– Как камень, – в низком взрыкивающем голосе молчуна звучит презрительная нотка.

– Тогда, может, сейчас?.. – Хозяин не договорил, но я почему-то отлично поняла, что мне очень не понравилось бы продолжение фразы.

Если бы я могла хоть что-то чувствовать.

– Что, так не терпится опробовать новую игрушку? – язвительно бурчит черноглазый, копаясь в рюкзаке, похоже, он не очень-то пресмыкается перед прекрасным принцем, не иначе как друг или сообщник. – Но денек все же придется подождать, завтра ночью полнолуние, к тому же равноденствие, силы будут на пике, самый благоприятный момент.

– Все шутишь, – зло цедит Роул. – Что тут пробовать? Быстренько отделаться, и пусть себе зреет.

– Быстренько не выйдет, – гнусно хихикнул черноглазый. – Нужно, чтобы с гарантией. Иначе придется до осени ждать – столько времени впустую.

– Ладно, будет тебе с гарантией, – так же пакостно ухмыльнулся хозяин. – Ну почему так не везет? Была бы парнем, сразу бы и слили, такой потенциал!

– Зря жалуешься, зато этот вариант самый безотказный. Сливание – вещь капризная, не всегда удается.

– Кому ты рассказываешь, – фыркнул Роул, – сколько раз мимо уходило. Ладно, идем, там еще троих привезли, проверить нужно. Может, еще переодетая ведьма найдется, по-

симпатичнее этой.

– Нет, ты неисправим, – пытаюсь выколупать стекло из папиных очков, бормочет его друг, и я отстраненно думаю, что убила бы его, если бы могла испытывать хоть какие-то эмоции. – Даже в таком серьезном деле не можешь не думать о бабских прелестях.

Он пренебрежительно бросил очки в рюкзачок и так же небрежно сунул его мне под голову.

– Ну не все же такие... – язвительно начал было Роул, но враз осекся под тяжелым взором черных глаз, мне это хорошо было видно.

Его сообщник как раз стоял перед моим диваном, меряя принца вовсе не дружеским взглядом. Возле шкафа очень кстати злобно зашипел Фуссо, словно чем-то рассерженный, и друзья сразу расслабились.

– Да он, похоже, и впрямь предан тебе как собака, – с приторным изумлением пробурчал черноглазый и направился к двери.

– А куда ему деваться? – довольно заржал шагающий следом Роул, и дверь за ними захлопнулась.

Фуссо покинул свой пост возле шкафа, дотопал до диванчика и, осторожно прихватив клешней одеяло, натянул мне до подбородка. Потом направился к окнам, в которых пламенело закатное зарево, и плотно задвинул шторы, погружая комнату в темноту.

«Значит, считает, что мне нужно спать», – поняла я. Мыс-

ли текли в голове непривычно ясные и логичные, все, что произошло в этой комнате, казалось понятным, как задачка для второго класса. И даже слишком понятным: вернись ко мне в эту минуту подвижность и эмоции, уже резала бы на полоски нарядные рубахи из шкафа и плела веревку. Я в каком-то фильме видела, как это делается.

Хотя зачем мне веревка?

Если я даже не знаю, как открываются окна и куда они выходят. Если по закону Марининых книжек фэнтези – то должны в сад, где никогда никто не гуляет, а если по закону подлости – во двор, полный охраны. И почему мне вчера не пришло в голову выглянуть в окно? Не мучилась бы сейчас напрасными предположениями.

Однако мозг, подстегнутый снадобьем, которое, несомненно, я сжевала с булками, не хотел отдыхать и десятками изобретал и обосновывал планы побега и спасения от грязной и унижительной процедуры, неминуемо надвигающейся на меня вместе с грядущим днем.

Однако ни один из этих планов детальной проверки не прошел. Во всех имелось несколько слабых мест, но одно было общим – мое абсолютное незнание местности и обычаев этого мира. Явно враждебного по отношению к таким, как я.

Глава вторая

День второй, очень тревожный

Проснулась я внезапно и сама сначала не поняла, отчего. Вытаращила глаза, попробовала подвигать руками и ногами... Пальцы шевелятся, ощущения вернулись, по крайней мере, тревога и страх – так точно. Даже внутри все похолодело и сжалось, когда вдруг сообразила – вот оно, началось. Связали и тащат, почему-то вниз животом, на алтарь, наверное, или где это у них происходит, издевательство над людьми.

А я даже закричать не могу. Нет, что на помощь тут звать бесполезно, и сама отлично понимаю, но завывать, заорать от ужаса, от отчаяния... да просто в знак протеста!

Спасите! Не хочу! Не надо! Боги, если вы есть, умоляю, верните меня обратно! Я буду мыть полы и доить козу по пять раз в сутки. А в искупление своей легкомысленной выходки стану каждый день ходить по улицам и всем малолетним дурочкам, решившим, что они уже умные, независимые и прекрасно проживут без помощи и защиты родичей, объяснять, доказывать, втолковывать, как малышам, сколько гнусных подлецов и ужасных ловушек ждет их на пути к самостоятельности.

Конечно, не все в них попадут, но если бы люди заранее

знали, как страшно и больно, когда злая судьба выбирает именно тебя. Как невыносимо хочется вернуться в ту простую жизнь, что еще вчера казалась такой скучной и серой. Как жутко сжимается сердце от мысли, что завтра взойдет солнце, а ты его уже не увидишь. И что тетка еще много лет будет шарить в прибитой к калитке старой сумке в надежде на письмецо от беспутной Катьки.

Я замычала от горя и отчаяния, пытаюсь поведать чужому, безразличному к моей судьбе миру всю глубину своей боли и ненависти. Просто не могла не ненавидеть тех, кто собирался сделать со мной нечто грязное и мерзкое.

В ответ меня крепко стукнули по спине и молча потащили дальше.

Да бейте, бейте! Теперь уже все равно. Я замычала еще сильнее и получила еще один увесистый тумак. И порцию злобного, противного... но такого знакомого шипения, что очередной вой сам застрял в горле.

Подожди, Катька, подумай немного. Раз тебя тащат не слуги к хозяину на алтарь или в спальню, а Фуссо, то значит...

А может, ничего это и не значит. Вполне вероятно, именно монстр и занимается в этом дворце переноской тяжестей, вон он какой здоровенький.

Тогда, может... может, уже все было и тебя за ненадобностью отдали монстру на пропитание? Хотя нет, сообщник вроде сказал, что я должна созреть. Интересно, для чего?

Черт, вчера вечером, когда во мне не было эмоций и не шевелились пальцы, так замечательно работала голова, а сегодня она тяжелая и тупо ноет, впрочем, как и все тело.

Еще бы не ныть, если оно намертво перетянута веревками и некоторые так впились в кожу, что под ними все занемело. Интересно, куда меня можно столько времени тащить? Теперь смутно припоминается, что и во сне давили на меня веревки и мир мягко качался, словно я ехала в электричке.

– М-му... – мычу потише, но очень жалостно.

Покачивание, как будто в ответ, становится более резким и отрывистым, словно вагон запрыгал на непрерывных стыках. Похоже, мой личный транспорт прибавил ходу. И это, конечно, имеет какое-то значение, вот только головная боль становится все нестерпимее.

Точно так же, как в тот единственный раз, когда я умудрилась выпить. Мои родители никогда не зависели от стадной привычки пить спиртное по любому поводу. Хотя что-то в красивых бутылках в серванте всегда стояло, только меня тогда это еще абсолютно не интересовало.

А вот прошлым летом на дне рождения у Ленки, что живет в крайнем доме на другом конце хутора, я первый раз попробовала водку. И вроде не ведусь никогда на подначки, а тут как черт вселился. А все Ленка, неизвестно с чего вдруг пригласившая нас со Светкой и Олеськой, хотя и не особо мы дружили с ней до этого.

Несколько раз, похихикивая, прошлась на тему правиль-

ных малолеток, которые крепче «фанты» ничего во рту не держали, ну я и обозлилась. Доказывать начала, вот и додоказывалась... До сих пор без содрогания даже на пиво смотреть не могу. Хорошо, что к тому времени Олеська уже отцу втихаря позвонила. Он и примчался на тракторенке.

Выматерил по-черному матушку именинницы, загрузил нас кучей в кузов и развез по домам. Тетка меня целую ночь поила какой-то гадостью и иначе, как пьянью подзаборной, не величала. Только когда я немного оклемалась и начала засыпать, она ушла по делам, с тихим вздохом бросив на пороге странную фразу – вроде того, что не по рангу ей такая должность.

Тогда я так поняла – тетка жалеет, что забрала меня из интерната, а вот теперь начинаю сомневаться, о том ли вообще была речь.

Вагон трясти перестало, заскрипело и зашуршало что-то невидимое, обдало лицо свежим воздухом... и тут меня уронили. Очень грубо уронили, на что-то твердое, хотя вроде и невысоко. Я возмущенно взвыла от боли, жалея о невозможности от души выругать подлого монстра, обращающегося с девушкой как с мешком овса, но он опередил меня, зашипев так свирепо, что я невольно стиснула губы.

Кто знает, что там у него на уме? Лучше не сердить, может, дольше проживу.

Плеснула где-то совсем рядом вода, и твердь подо мной качнулась, а потом плавно куда-то двинулась. Это я сполна

ощутила всей своей хворой головой и желудком, в котором заволновались и без того беспокойные булочки. Вот только этого не хватало, когда рот завязан...

Мое плавсредство все так же мягко двигалось в неизвестность, а я, стараясь думать о чем-то постороннем, терпела, пока могла терпеть. А потом, когда уже поняла, что через несколько секунд будет поздно, заскулила, задергала всем телом. Освободи же мне рот, идиот, иначе я задохнусь!!!

Холодное и мокрое скользнуло по щеке, и одновременно с предупреждающим шипением монстра под ухом щелкнула клешня, перерезая повязку. В тот же миг содержимое моего желудка фонтаном вырвалось наружу. И еще поток обиженных слез, хотя я думала, что давно разучилась плакать. Заучив, как телефон МЧС, что над чужими слезами в нашем мире могут лишь посмеяться, и то в лучшем случае.

Холодная вода лилась на лицо, попадая под одежду, а страшная клешня очень осторожно убирала следы моей слабости. «Это хорошо, значит, жрать пока не будет», – сообщила ноющая голова, а природная находчивость уже подсказывала – нужно попробовать воспользоваться его добрым расположением, вдруг прокатит.

– Фуссо... – немного отдышавшись, шепчу очень тихо, – развяжи меня... не могу больше... все затекло...

Сердитое шипение заставило смолкнуть и замереть в ожидании. Однако через полминуты лопнула, освободив затекшие руки, одна веревка, еще через полминуты я поняла, что

свободны и ноги. Попыталась немного поерзать, чтобы сбросить остальные путы, и в тот же миг тяжелая клешня предупредительно придавила меня сверху.

«Ладно, не все сразу», – мысленно соглашаюсь с его веским доводом, и так получила несколько поблажек.

Минут через десять я наконец дерзнула приподнять от мокрой доски голову и попытаться опасно осмотреться. Темноту, окружавшую нас, разбавлял лишь странный отблеск, играющий на невидимой до этого воде в метре от пластика. Мы двигались строго параллельно этой светлой полосе, но куда – знал один Фуссо. Я же могла только предполагать, и эти догадки пока к особому оптимизму не располагали.

Но одна робкая мысль невероятно грела душу: по-моему, монстр меня выкрал, больше ни одного правдоподобного объяснения этому плаванью во мгле мой больной мозг не находит. Хотя и непонятно пока для чего, но надеюсь, у меня будет время подумать над этим, когда голова немного придет в норму.

Фуссо неслышно плыл где-то сзади, подталкивая мой плотик... очень маленький плотик. Причем сидящий в воде так низко, что пальцы окунулись в мокрый холод в тот же миг, как я протянула руку, чтобы проверить свои ощущения.

Мокрая клешня немедленно шлепнула по пальцам, давая понять, что Фуссо непрерывно за мной наблюдает. Значит, он прекрасно видит в темноте... хорошо плавает... рубит деревья, как газонокосилка – траву... и еще имеет кучу разных

талантов...

Ой, что-то мне нехорошо становится от этих размышлений. Боюсь даже предположить, вот только ничего, кроме версии, что я являюсь ключом к свободе для этого необычайно способного монстра, у меня пока не возникает.

Похоже, попала ты, Катька, из огня да в полымя во всех смыслах.

Тут я внезапно заметила, что отблески на воде уже исчезли и вокруг нас сомкнулась глухая тьма. А в следующую секунду плотик рванул вперед и вниз с сумасшедшей скоростью. Нас в то же мгновение непременно разметало бы бешеным водопадом в разные стороны, кабы не веревки, которыми я оказалась накрепко привязана к доскам.

Но все это я осознала позднее, когда с облегчением почувствовала, что жуткий полет в крошечной темноте уже закончился, а мой плотик куда-то целеустремленно направляется, ловко лавируя между огромных камней.

Не сразу дошел до меня тот простой факт, что поблескивающие мокрыми боками камни я почему-то вижу, но когда все же дошел и я догадалась поднять голову...

«Нет слов!» – вмиг задохнулась я от восторга и горечи, обнаружив в синем небе две прекрасные луны, величественно плывущие в окружении целого роя крупных звезд. Одну – почти такую же, как дома, а вторую – поменьше и ярко-голубую, подтвердившую своей безразличной красотой мои самые жуткие подозрения: я поняла, как бесконечно далек этот

мир от моего родного.

Фуссо ловко втокнул нас с плотиком на огромный мокрый прибрежный камень и защелкал клешнями, перерезая веревки. Потом некоторое время усердно измельчал в труху доски и обрывки веревок и отправлял в свободное плавание. Я при всем желании помочь ему не могла – морщась от боли и глотая невольные слезы, старательно разминала и растирала затекшие мышцы. Догадываясь, что дальше мне придется идти пешком.

Как выяснилось, я не угадала. Покончив с верным плотиком, Фуссо взобрался на камень и красноречиво постукал себя по спине клешней. Я неверяще уставилась на рельефно выступающий хребет, проходящий посередине панциря, и на какие-то шипы, устремленные в стороны, и отрицательно замотала головой. Не сяду я на это, мне еще собственная шкура дорога! Да и джинсы – хоть и прорезанные, но других-то нет. Монстр сердито зашипел и рванул с моих плеч непонятно когда оказавшийся там рюкзачок. Я, конечно, сообразила, что спорить бесполезно, хотя и ощущала невероятное раздражение, наблюдая, как ловко расстегивает монстр застежки чужой сумки. Но когда вместо моих вещичек Фуссо извлек меховое одеяло, испытала жестокое потрясение.

– Ты, гад! Сволочь пучеглазая! Убью скотину! Куда ты дел... – выхватывая из клешней рюкзак и начиная лихорадочно рыться в небольшой кучке вещей, оставшейся от моего и так небогатого гардероба, бормотала я, давясь рыдани-

ями.

Нет, не деньги и не паспорт с аттестатом, спрятанные на самом дне вместе с косметичкой, ввергли меня в состояние такой неистовой ярости, когда глубоко плевать даже на монстров, режущих клешнями железо. Еще ниже денег я прятала тщательно завернутые в полиэтиленовый пакет вещи родителей. Ну, что отцовских очков уже не найти, было понятно сразу, я ни на миг не забывала, как человек, ставший для меня после этого врагом номер один, небрежно швырнул их поверх остальных вещей. Но мамина перчатка, далеко не новая, сохранившая, несмотря на прошедшие годы, тонкий запах ее духов и ванилина... хоть она-то должна мне остаться?

Однако на дне рюкзака в знакомом пакетике была завернута какая-то грязная тряпка, очень узнаваемая даже в прозрачном свете двух лун.

Фуссо зашипел угрожающе, и мне пришлось вернуть пакет на место. «В конце концов, он же не виноват», – пытаюсь успокоить себя, забрасывая необычно легкий рюкзак за спину и застывая неудобный панцирь сложенным в несколько раз одеялом. Откуда ему было знать, что там действительно ценное, а что не очень. Хорошо хоть смену белья оставил – мелькнуло под руками, когда я рылась в поисках заветного пакета.

Монстр присел на корточки, я осторожно взгромоздилась ему на спину, пытаюсь не порезаться о страшные выступы. С великим трудом, но это мне удалось, и уже в следующее

мгновение он размашисто шагал, со скоростью рейсового автобуса унося меня в неизвестность.

Через несколько нескончаемо долгих часов я не решилась бы утверждать, сколько раз Фуссо съезжал по каменистым осыпям и перелезал через огромные валуны, пробирался по еле заметным звериным тропкам сквозь колючие заросли, перепрыгивал расщелины и преодолевал мелкие, но бурные речушки, при необходимости пускаясь вплавь. Сказать, что ехать на нем неудобно, – значит, не сказать ничего. Как я ни пыталась устроиться получше, сидеть на шишковатом панцире было жестко даже через сложенный в несколько раз мех, и кроме того, пришлось подобрать под себя ноги, чтобы не задевать ими камни и кусты и не вымочить в речках.

Уже раз сто я слетела бы с неудобного сиденья вместе с одеялом, если б монстр не придерживал меня одной клешней, второй успевая грести, цепляться за обрывистые склоны и отводить особо колючие ветки. Но даже несмотря на такую опеку, к тому времени как луны ушли с небосклона, а далеко впереди чернота ночи начала таять в розоватой дымке, мои силы истощились окончательно. К этому моменту я уже напрочь отсидела ноги и абсолютно их не чувствовала, но старалась не вспоминать, какая расплата мне грозит. И лишь когда в очередной раз порезала ладонь, инстинктивно схватившись за острый шип, едва монстр начал карабкаться по крутому склону, отчетливо поняла – все, конец. Мой запас

прочности иссяк.

– Фуссо, – взмолилась я и, совершенно забыв про его феноменальные способности, постучала для надежности по панцирю, – давай хоть немного отдохнем, а? А то я ног уже не чувствую.

Но монстр только коротко шикнул и крепче прижал меня к панцирю. Наверное, думает, я настолько сумасшедшая, что отважусь прыгать на ходу. Разумеется, не решусь, да и не смогу, с онемевшими ногами-то. От обиды и жалости к себе я беззвучно заплакала, в который раз за эту ночь изменив своим принципам и глубоко презирая себя за это.

Фуссо помчался еще быстрее, прохладный предутренний ветерок так и ринулся мне в лицо, холодя мокрые щеки и стгоняя с них слезы.

А минут через десять монстр вдруг резко остановился возле холма, темнеющего на фоне предрассветного неба, и постучал клешней по сухому дереву, торчащему на склоне. Странно так постучал, словно сигнал подал.

– Заходи, – глухо сообщило дерево, и я вмиг забыла про все свои беды.

Это как... понимать?

Фуссо торопливо обошел холм, и я удивилась еще больше. С другой стороны, там, где крутой склон огибала мелкая речушка, в холме зияла дыра и из нее едва ощутимо пахнуло жильем. Хотя никакой дыры еще минуту назад не было, проходили мы мимо. Монстр положил мне вторую клеш-

ню на голову, прижимая пониже, присел и на полусогнутых втиснулся в лаз. Чтобы через несколько секунд вывалиться в довольно просторное помещение, бревенчатыми стенами напомнившее мне старинную избу. Монстр рванулся вперед с такой быстротой, что заметить я успела лишь выскобленные доски стола, освещенные стоящей на нем лампадкой.

– А кого это ты мне притащил? – раздался удивленный женский голос, когда Фуссо почти лег на пол возле широкой скамейки, застланной каким-то тряпьем.

Монстр в ответ сердито зашипел и ловко скинул меня вместе с одеялом со своей спины. Я только охнуть успела, ударившись десятком больных мест сразу, а он уже стоял у противоположной стены и что-то совал в пасть, выуживая из бесцеремонно распахнутого ларя.

– Ох ты горяшко, да она же вся в синяках! – Ловкие руки хозяйки уже укладывали меня поудобнее, одновременно стягивая куртку. – Кто ее так, Фус?

Мой похититель снова сердито пшикнул, не переставая бросать в ненасытную пасть какие-то куски.

– Так, понятно, – протянула хозяйка, попытавшись разогнуть мою ногу, отчего я взвыла и от боли вцепилась руками в лавку. – Фус, ну-ка пошли, помощь мне нужна.

С этими словами она открыла простую дощатую дверь в противоположной входу стене, и монстр послушно направился за ней.

«Значит, он контактит с другими людьми, – сделала моя

усталая, гудящая голова очевидный вывод, – и, судя по дружескому приему, зла им не причиняет». Хотя и нет у меня привычки верить незнакомым людям, к этой женщине сразу возникло неизвестно на чем основанное доверие, словно она мне давно знакома, только долго не встречалась.

Вернулась она одна. «Наверное, выдала Фуссо какую-то работу», – мелькнула в голове вялая мысль, не до него мне, когда ноги колет тысяча острых игл.

А незнакомка поставила на стол разномастные горшочки и туесочки и взялась за меня всерьез. Сначала залила горячей водой пучок душистых трав, потом стянула джинсы и свитер, после чего принялась втирать в кожу всевозможные мази и настойки. Я изо всех сил старалась не стонать от боли во время этой процедуры, лишь иногда сдавленно мычала сквозь сцепленные зубы под сильными, уверенными руками. А она, едва закончив это издевательство, замотала меня покрывалом, слила настоявшийся чай в глиняную кружку и заставила выпить.

По-видимому, меня так вымотала поездка на Фуссо, а может, действительно было в том настое что-то успокаивающее или даже снотворное, но глаза через несколько минут начали слипаться. Только я на нее за это и не подумала обижаться – глупо сердиться на тех, от кого пока не видел ничего, кроме добра.

Разбудил меня запах. Печеного теста, мяса и еще чего-то

вкусного. Почти такой же, какой бывал в теткинском доме, когда она стряпала обед. Пустой желудок заставил немедля открыть глаза, хотя обычно я любила еще несколько минут после пробуждения полежать, размышляя ни о чем.

Почти сразу в поле зрения попала хозяйка, что-то готовившая на маленькой железной печурке, поставленной на грубо отесанный серый камень.

– Доброе утро, – не зная, как сообщить, что уже не сплю, пробормотала я, разглядывая травницу.

Вполне обыкновенная на вид женщина и одета обыкновенно... для бабушки из глухой деревни. Длинная юбка, темная кофта, голова чем-то обвязана, платком или шарфом, с ходу не понять.

– День уже, – на миг обернувшись от плиты, сообщила она и указала пальцем на неприметную дверцу: – Одежда возле тебя, бери да иди вон в ту каморку, там вода и все остальное.

Одеждой были такие же, как на ней, вещи: юбка и кофточка в мелкий цветочек.

– А где мое? – еще надеясь услышать что-то вроде «постирано» или «сохнет», но уже замирая от нехорошего предчувствия, хрипло спрашиваю, вглядываясь в напрягшуюся спину.

– Ну ты же не дурочка, – уклончиво буркнула она. – Сама понимаешь... Иди умойся, потом поговорим.

Откинув покрывало, обнаруживаю, что я одета в какую-то старушечью ночнушку, и начинаю паниковать уже всерьез.

Только вежливость да благодарность за ночное лечение и удержали от немедленного разбирательства.

– И если ты не знаешь, – летит мне вдогонку, – юбку надевают сверху на рубаху.

– Откуда мне знать такие вещи, – зло бурчу, натягивая жуткий наряд, – если никогда это не носила?

Да я и вообще юбки не ношу, особенно после того, как оказалась в интернате. В них ни по пожарной лестнице не влезть, ни через заборчик перепрыгнуть. Не говоря уже о драках, без которых там абсолютно невозможно отстаивать свое право на нормальное отношение.

– Ну и на кого я теперь похожа? На пугало в лучшем случае, – потихоньку ворчу, пытаюсь разглядеть свое отражение в бадейке с водой.

Нет, ни фига не видно, как она живет тут без зеркала? Про все остальное лучше и не вспоминать.

– Эй, девонька, поторопись, обед на столе, – раздался за дверью голос хозяйки, и я, вздохнув напоследок, решительно шагнула в комнату.

Фуссо уже стоял у стола и бросал в свою пасть румяные хлебцы из самой большой миски. «Интересно, сколько же еды ему требуется, чтобы так бегать», – впервые возник в моей голове вопрос, и снова вспомнились ехидные – теперь я в этом уже не сомневалась – слова Роула про кусок мяса.

– Садись сюда, – быстро окинув меня придиричивым взглядом, указала хозяйка на стул, – и бери вот эту миску. Тебе

нужно сначала бульону похлебать, после вчерашнего-то.

Бульон так бульон, я бы сейчас даже на ненавистную перловку согласилась, так сводит от голода пустой желудок.

Пока я ела бульон с накрошенными в него кусочками сушаря, Фуссо покончил со своими хлебцами и, отойдя к выходу, замер там словно на страже. Хотя, вполне возможно, так оно и есть, ведь пока не выяснилось, зачем я ему понадобилась. Не похож он все-таки на благородного спасителя – судя по услышанным разговорам, не одна я такая в том дворце была. И далеко не первая. Постараюсь потихоньку разузнать, может, и ничего страшного. Во всяком случае, здесь я себя намного увереннее чувствую, чем в тех хоромах.

– Поела? – дождавшись, пока ложка стукнет о пустое дно, без обиняков приступила к разговору хозяйка. – Теперь пора поговорить. Фус тебя спас, ну это ты и сама, поди, догадалась, не маленькая уже. Но, само собой, не за просто так. Нужна ему твоя помощь. Ты ведьма сильная, хоть и необученная, иначе не сдалась бы так легко.

– Извините, – невежливо перебила я ее на полуслове, – вас ввели в заблуждение. Никакая я не ведьма, да и вообще никогда не встречала ни одной ведьмы. Кроме одного случая, да и тот явно был ошибкой.

– Какой такой случай? Выкладывай, – скомандовала она, и мне пришлось путано объяснить про ту давнюю встречу.

– Так и сказала «не потеряется»? – не на шутку заинтересовалась хозяйка. – А ну-ка, подумай, где сейчас эта грамо-

та?

А действительно где? «Наверное, сгорела в той же печурке, что и остальные мои вещички», – горестно хмыкнула я, отодвигая пустую миску. И изумленно замерла, а потом недоверчиво подняла на хозяйку глаза – она что, все заранее знала?

– Ну-ка, дай мне, – потянулась через стол мозолистая рука, и я равнодушно вложила в чужую ладонь зеленоватый прямоугольничек – после потери по-настоящему ценных для меня вещей эта утрата уже не имеет никакого значения.

– Сильная вещь, – уважительно протянула собеседница, подержав в сжатом кулаке визитку.

И вдруг, размахнувшись, бросила ее насторожившемуся монстру:

– Съешь.

Фуссо послушно перехватил картонку в воздухе и сунул в бездонную пасть.

– А ему плохо не будет? – чисто из вредности фыркнула я, уж больно свободно все в этом мире распоряжаются моими личными вещами.

– Фус – горный краб, – сразу построжев, сухо отозвалась хозяйка. – Им ничего не вредно, едят все, что растет, бегают и плавают. А ты не отвлекайся, ищи свою грамоту.

Как это «ищи», если монстр на моих глазах ее сжевал? Я растерялась и вопросительно уставилась на хозяйку, желая убедиться, что она сейчас пошутила. Однако лицо женщины

не просто серьезно, она еще и сердиться начинает.

– Сказала же ведьма, что потерять невозможно! – нетерпеливо объясняет мне. – Вот курица недоверчивая!

А кстати, давно хотела узнать, как вышло, что я понимаю местный язык. И потому сейчас не мешкая задаю этот вопрос хозяйке, заодно решив прояснить, как мне к ней обращаться.

– Меня называй Малиной, или просто тетушкой Лин. А про язык... неужто сама не догадалась? Потому и понимаешь, что ведьма. По этому знаку вас и определяют, пришельцев из другого мира. Есть дар или нету. Твои способности в опасных ситуациях ищут для тебя пути спасения и ловят энергию других магов. В этот миг и происходит слияние понятий... не знаю, как вернее объяснить.

– Нет, неправильно, – немного поразмыслив, выдала я, тебя по привычке ворот. – Не было там в тот момент, когда этот Роул меня поймал, никакого мага.

– Как же не было, а тот черный? – вскипела Лин и сразу смущенно смолкла, бросив быстрый взгляд в сторону входа.

Но я ее уже не слушала, подозрительно нащупывая за шиворотом нечто странное, нечаянно попавшее под пальцы. А вытащив, ошеломленно уставилась на знакомую визитку, свежо поблескивающую золотыми виньетками.

«Значит, все правда!» – взрывались и гасли в мозгу догадки и откровения. И магия существует, если это, разумеется, не фокус. Приезжал к нам один такой в интернат, до-

ставал из пустого ящичка голубей. А Санька-шестиклассник подобрался сзади и сдернул плащ... они под плащом и сидели, в специальных карманах.

Но уж больно серьезно смотрит Малина, и Фуссо весь подобрался как для прыжка. Я, конечно, готова поверить в существование здесь ведьм и магов, но я сама себя одной из них, хоть убейте, не чувствую.

– Так как ты решила? – не выдерживает Лин. – Поможешь или нет?

– Да помочь я в принципе не против. Сама понимаю, краб этот меня спас, а долг возвращать нужно. Но вот в том, что я ведьма, пока сильно сомневаюсь. Если есть какой-нибудь способ это проверить, чтобы вас не обнадеживать зря, то я готова, – как можно убедительнее объясняю испытующе глядящей на меня Малине.

– Хорошо, – облегченно выдохнула она, – мы на это очень надеялись. Фус объяснил, – не удивляйся, я его понимаю, – что ты девушка находчивая и смелая, но риск, что откажешься, все-таки был. Силком тебя заставить мы не можем.

«Вот и влипла ты, Катька, как последняя лохушка попалась», – расстроилась я. Нет бы сначала расспросить остороженько... куда там! Поторопилась вылезти вперед со своим благородным предложением. Хотя как пятой точкой чувствовала – ничего простого или безопасного мне не предложат, это они бы и сами смогли, с такими-то способностями! Один Фуссо чего стоит, да и Малина явно непроста. Простые

в холмах, как хоббиты, не живут.

Зазвенела покотившаяся по полу миска, отвлекая меня от мрачных мыслей. Оглянувшись на звук, понимаю – снова я что-то прозевала. Малина спешно засовывает в плетеную из прутьев корзину странной конфигурации какие-то мешочки и узелочки, Фуссо ловко вырезает клешней из доски непонятные штуки. Затем Лин мимоходом сунула мне в руки меховое одеяло и отправила на выход, и только тут я опомнилась.

– Что, босиком? – спросила печально, поглаживая прижатый к животу меховой сверток.

– Как я забыла! – совсем как моя тетка, хлопнула себя по лбу Лин, вмиг отбив у меня этим жестом всякую охоту повыступать. – Фус, принеси из комнаты, на сундучке...

Она не успела договорить, а за монстром уже дверь как от ветра качается. В следующий момент он, как лихач-таксист, картинно тормозит возле моих ног. Мне даже визг тормозов и скрежет резины по асфальту почудились.

Но всю ностальгию разом испортил внешний вид того, что я должна теперь носить вместо своих кроссовок. Да я даже не знаю, как это надевать! Не успел сорваться с губ крик протеста, а Малина уже присела и протягивает мне довольно аккуратно сшитые из тряпья стеганные носки. Сверху на них полагалось нацепить нечто похожее на корзиночки из гибких прутьев. Конечно, без Лин я бы нипочем не справилась. Я их вообще пыталась натянуть задом наперед, как позже

оказалось. Но вот корзиночки на моих ногах крепко зашнурованы веревочками, и меня наконец выпроводили из дома. Следом краб выволок плетеное недоразумение и, поставив на отмель, нетерпеливо защелкал клешнями в ожидании хозяйки.

Лин появилась минуты через две, неся еще пару узелков, виновато глянула на краба и быстро сунула их в корзину. Потом повернулась к холму, протянула перед собой руки и зашептала что-то непонятное. Хотелось мне спросить, что это она делает, да Фуссо так шикнул – пришлось промолчать.

Да и ответа долго ждать не пришлось: раздался подземный гул, и часть холма, где был вход, просела, словно вдавленная внутрь ногой великана.

Я так и ахнула, а Лин, отвернувшись от родного порога, которого больше не существовало, словно невзначай мазнула рукавом по щеке и засуетилась, привязывая крабу на спину две длинные палки. Они крепились веревками к воткнутому между шипами распоркам, которые и вытаскивал недавно Фус, а сверху мы с Лин, поднатужившись, поставили непонятную корзину.

И если до этого момента ее назначение было неясно, то вот теперь, наоборот, я сразу сообразила, что это сиденье типа мотоциклетного, только со спинкой сзади. Вот туда меня и посадили, после того как Лин корзину накрепко к палкам привязала и одеяло постелила. Сама хозяйка села передо мной, и Фуссо сразу рванул вперед. Или назад, нет у меня

пока в этом мире никаких ориентиров.

Это путешествие ни в какое сравнение не шло с тем, ночным. Хоть и загоразивала мне спина Малины весь обзор, зато по сторонам можно было глядеть сколько угодно. Я оживленно вертела головой до тех пор, пока Лин не обернулась, виновато сообщив, что сидит так только потому, что Фус в эту сторону никогда не заходил и дорогу ему показывает она, Малина.

Да нет, я не в претензии, начинаю распинаться в ответ, ночью вообще привязанная к доскам, как сальтисон, ехала, да еще и считала, что несут на алтарь к Роулу.

Вот тут Лин вообще расстроилась и, немного пострадав, призналась – план похищения ведьмы они придумывали вместе с Фуссо. А вот как привезти меня к воде, не изрезав при этом шипами краба, – это именно ее идея. Фус плотик заранее изготовил, а когда меня усыпили, перекатил на него и привязал покрепче по совету Малины. Чтобы не потерять по дороге. А поскольку привязывать людей ему раньше не доводилось, силу не рассчитал, вот и затянул веревки слишком туго.

– Лин, – не выдержала я, – а почему мы заранее не убежали, пока я еще не ела те булки?

– Нельзя было раньше, – с жалостью смотрит она через плечо, – времени бы не хватило. Они специально обед дают попозже, чтобы пленник проголодался и не смог отказаться. Фус и так съел за тебя большую часть, а то бы ты до сих пор

спала. Магу непокорные ведьмы без надобности.

Тут сердито зашипел Фус, и она все внимание переключила на дорогу. Местность пошла довольно однообразная, лесистые холмы, похожие друг на друга как близнецы. Как тут можно ориентироваться, я даже не представляла, да и смотреть вокруг понемногу надоело. Потому прижалась к теплой спине Лин и задумалась над своей судьбой.

Выходит, мне очень повезло, иначе сейчас не сидела бы на привязанной к монстру корзине, а лежала бревном в том прекрасном дворце, от одного воспоминания о котором жгучим холодом стягивает все внутренности. А это значит, нужно попытаться сделать все возможное, чтобы остаться нужной этим аборигенам, так как вернуться домой, если я правильно понимаю, в ближайшее время мне не светит. И хорошо если только в ближайшее.

Момент прибытия на место я, разумеется, благополучно продремала. И когда Фуссо замер у какого-то куста, вначале решила, что это очередная остановка по требованию пассажиров. Лин уже останавливала пару раз краба, чтобы мы могли размять ноги и погулять за кустами, выговорив недовольно шипевшему Фуссо, когда это произошло в первый раз, что человеческий организм отличается от лошадиного некоторой щепетильностью в таких вопросах. Показалось мне или в самом деле монстр немного стусевался, не важно, зато потом беспрекословно останавливался каждый раз, когда Лин просила, и старался распластаться по земле как

можно сильнее, чтобы нам было удобнее слезать с корзины.

– Ну наконец-то, – с облегчением произнес незнакомый голос, и я удивленно обнаружила, что кусты, оказывается, растут тут не сами по себе, а посажены под окнами небольшой хатки.

Глава третья

День третий, решающий

– Кэт, пора вставать. – Голос Лин звучит так же угрожающе, как призыв родной тетки.

А с чего бы ему звучать иначе, если она подходит ко мне уже в пятый, если не в шестой раз? И судя по тону, в последний... хотя знал бы кто, как я не выпалась! Но здесь особо не покапризначайся, к тому же не вовремя проснувшееся логическое мышление, объединившись с бдительным чувством самосохранения, упорно твердят, что к сегодняшней вылазке нужно подготовиться более тщательно, чем к первой, которую мы предприняли нынешней ночью.

– Ну ничего, будем считать это проверкой наших сил, – устало рухнув на постель из охапки веток и одеяла, буркнула Лин, когда мы вернулись поздно ночью с вершины Лысой горы.

Хотя на самом деле все очень надеялись повернуть операцию за один вечер. Не удалось, несмотря на все наши усилия.

А особенно старалась я, когда поняла, какое важное дело мне предстоит сделать. Причем практически одной, не имея почти никакого представления о собственных способностях, которые у меня, не знаю, к горю или к радости, но все-таки

нашлись. Это все ведьмы, собравшиеся на совет в тесной избушке бабушки Омелы, подтвердили. И даже мне доказали, причем очень наглядно.

– Представь, что враги собираются в тебя бросать камни и ты знаешь, что будет очень больно, – сказала Береза, старая ведьма с добрым лицом сказочницы. – Но у тебя есть ведьминский дар, чтобы защититься. И много разных способов это сделать. Можно поставить защитную стену, стать невидимой, оказаться за пределами опасного места или направить камни в обидчиков. Что ты выберешь?

– Камни назад, – ни секунды не колебалась я.

Да и какие могут быть варианты? Защитная стена – явление временное, долго за ней не просидишь. Невидимой стать, конечно, очень заманчиво, вот только слишком внимательно читала я книжку про человека-невидимку. Про следы, которые никуда не спрячешь, да про вещи, подозрительнодвигающиеся ни с того ни с сего, запомнила очень хорошо.

Неплохо также очутиться подальше, но и это не выход, если те, кто бросает камни, не оставят своих намерений. Значит, все-таки лучший способ – отдубасить их хорошенько, чтобы навсегда запомнили, как нападать на бедную ведьму. Подумала так и вдруг поняла, что уже поверила в свои способности, но лишь из врожденного упрямства не хочу в этом признаваться.

Однако ведьмы все же устроили показательное выступле-

ние: вывели меня во двор и поставили напротив ту из них, которая будет швырять камни.

– А если я по правде в нее попаду? – осторожно интересуюсь, прикидывая расстояние.

– Не попадешь, у нее защита неплохая, да и мы будем ей помогать, – успокоила Лин.

«Ага, вот вы как, все на новенькую!» – вмиг распознав знакомую ситуацию, ощетинилась я и приготовилась к бою.

Первый камень полетел в меня как-то неуверенно, да и бросала ведьма по-женски, неудобно откидывая руку с зажатым булыжником куда-то за плечо.

От такого броска я просто уклонилась, насмешливо ухмыльнувшись атакующей. Если она и дальше будет так бросать, то никакая магия мне и не понадобится, чтобы остаться невредимой. Однако уже второй камень, брошенный так же неуклюже, вопреки всем законам физики нахально полетел прямо в меня. Я резво отпрыгнула в сторону, он заметно дернулся, словно пытаясь изменить траекторию, но не успел и успешно пролетел мимо. Следующий камень летел чуть медленнее, словно был не булыжником, а пляжным мячом, и при моей попытке отпрыгнуть уверенно свернул следом. Разумеется, я от него ушла, но для этого мне пришлось сделать кувырок вперед. Круто поворачивать назад пока не умеют ни камни, ни мячи, и победа и в этот раз осталась за мной. С превосходством подмигнув ведьмам, я встала в стойку футбольного вратаря и приготовилась сражаться до

конца, но вмешалась неугомонная Береза.

– Так мы до темноты будем тут играть, – безапелляционно объявила она, – а у нас еще дел непочатый сундук. Привяжите ее.

«Что?!» – не успела возмутиться я, как непонятно откуда взявшиеся веревки змеями обвилились вокруг тела, крепко привязав к мгновенно выросшему за спиной деревцу.

«Но ведь это нечестно, подло, гнусно!..» – хотелось крикнуть мне, да камень, направленный рассерженной противницей прямо в лицо, ждать бы не стал. Напрягшись изо всех сил, пытаюсь сдвинуться хоть на несколько сантиметров в сторону... бесполезно. И тогда я зажмурила глаза и то ли от злости, то ли от обиды всей душой пожелала, чтобы он вернулся к той, что его бросила. И даже представила в подробностях, как это будет, вот только в последний момент изменила направление и вместо лица направила булыжник в ногу.

Громкий вскрик заставил меня распахнуть глаза и почти синхронно – рот. Ведьма, швырявшая камни, сидела на траве, со стоном растирая коленку, а ее подруги столпились вокруг, бормоча исцеляющие заклинания и торопливо доставая из привязанных к поясам мешочков баночки со снадобьями.

– Но ведь это неправильно, так не должно было быть, – чувствуя одновременно раскаяние и изумление, бормотала я, раз и навсегда поверив, что ее травма – моих рук дело.

Потому что точно помнила, в какую именно ногу напра-

вила проклятый булыжник. «И вообще, а где же была их хваленая защита, ведь собирались всей кучей помогать!» – проснулась возмущенная справедливость.

– Сильна! – подойдя ко мне, вынесла вердикт бабушка Омела и провела руками по веревкам.

– Я не хотела, – бурчу тихонько, обнаружив, что связывающие меня путы исчезли.

– Хотела, – не поверила она. – Если бы не хотела, камень бы не вернулся. Хорошо хоть не в голову, этот ушиб мы быстро залечим. Идем в дом, обговорим, как тебе нужно себя вести.

К этому времени мне уже объяснили, почему именно я должна поймать дикую ведьму. И не какую попало, а строго определенную. Но самой мне искать ее не придется, ведьмы покажут.

Моя голова гудела от кучи наставлений и советов, а пальцы, намертво вцепившиеся в кофту Березы, сводило от ужаса, когда к восходу луны мы добрались до вершины Лысой горы. Я и несколько десятков ведьм со всех концов этого мира. Аборигенки оставили в заранее облюбованных местах различные летательные аппараты, от громоздких ступ и долбленых корыт до толстых, украшенных природной резьбой коряг и примитивных метел. Затем все вместе направились к центру просторной площадки, которая венчала совершенно неприступную гору.

Сначала разложили в сторонке привезенное с собой уго-

щение, потом занялись костром. Бросили в кучку по горсти заранее припасенных засушенных трав и подожгли душистый голубоватый магический огонь. Непонятно откуда появились венки и гирлянды из свежих полевых цветов, коричневенькая кикимора дунула в резную дудочку, и веселье началось.

Не знаю, всегда ли тут бывает так, но в эту ночь мне все очень понравилось. Никто не качал права, никто никого не гнобил и никому ничего не доказывал. Наоборот, все были дружелюбны и приветливы, хотя каждая из ведьм делала лишь то, что нравится ей, и танцевала только так, как хотела.

Я тоже танцевала и веселилась. Пусть и стала ведьмой лишь несколько часов назад и одета была не так, как положено порядочной ведьме, никто этого словно не замечал, все сразу и бесповоротно признали меня равноправным членом ведьмовского ковена.

А когда на небо торопливо выкатилась вторая луна по имени Афель и на ее голубом фоне мелькнуло несколько теней, по толпе ведьм эхом прокатился шепоток: «Летят».

Кикимора заиграла что-то грустное, танец из веселого и зажигательного стал медленным и печальным, а взгляды танцующих невольно обратились в ту сторону, где опустилась на скалу стайка диких ведьм. Каждой хотелось поподробнее разглядеть, кем она станет, если не хватит сил или терпения оставаться человеком.

Я тоже уставилась на них во все глаза, силясь понять, как

себя чувствуют ведьмы, навсегда обратившиеся то ли в полупризраков, то ли в полуфей. Тем более что далеко не всегда они становились такими по собственному желанию – в большинстве случаев превращались в диких, не выдержав издевательств или пыток. Но даже эта страшная трансформация удавалась далеко не всем, только самые сильные и способные ведьмы могли в критической ситуации изменить свое тело так, чтобы ему больше не могли повредить ни жуткие инструменты палачей, ни жар очистительных костров. Разумеется, очистительными их считали инквизиторы и толпы зевак на городских площадях.

Ведьм в этом мире, несмотря на то что зла они никому не причиняли, обычные люди не любили. Но если в некоторых странах еще кое-как терпели, то в других – безжалостно уничтожали. И почти везде пытались нажать на их необыкновенных способностях. Особенно старались маги всех мастей, хотя и сами были, по сути дела, ведьмаками. Но сумели как-то убедить и правителей, и простой народ, что все зло – от одаренных женщин, мужчины же умеют держать свои способности под контролем. Помогли в этом черном деле и распускаемые завистливыми аборигенками, которых боги волшебным даром не наделили, слухи о присущенных мужьях, испорченных продуктах и украденных детях. Хотя мужья сами так и норовили заглянуть под любую юбку, особо не вникая, на ведьму она надета или на соседку, продукты гнили без должного присмотра, а детей сманивали русалки

или бродячие комедианты.

– Иди, – подтолкнула меня в спину Береза. – Вон та, в голубом платье...

– Кэт... – притворно ласковый тон Лин лучше любого объяснения говорит о том, что она дошла до последней точки, а значит, больше нельзя медлить ни секунды.

– Встаю, – открыв глаза и садясь на постели, чтобы убедить в своих намерениях ведьму, уверенно сообщила я.

И почти сразу зажмурилась – такие яркие солнечные стрелы прорывались сквозь редкий настил наспех сооруженного шалаша.

– Ух какое солнце, – обиженно бормочу, вытирая кулаками выступившие слезы.

– А ты как думала – обед скоро! И не смотри сразу вверх, пока глаза не привыкнут, землю разглядывай, – наставляет Лин, бросая мне на колени кучу тряпок. – Давай одевайся и выходи, а то Фуссо скоро твою долю доест.

– А он-то откуда тут взялся? – от изумления снова распахнула я глаза.

Вчера под вечер, когда мы вылетали из Косогоров, небольшой деревушки ведьм, запрятанной среди поросших рощами холмов, краб оставался там. Ни одно летучее ведьминское приспособление не смогло его поднять.

– Прибежал, – как-то грустно фыркнула Лин. – Когда без груза, он еще быстрее бегают. Так ты встаешь или нет?

– Конечно, встаю, – бурчу, натягивая на себя юбку.

Причем значительно шустрее, чем собиралась еще пару секунд назад. Видела я, как он лопает, с таким аппетитом мне точно ничего не останется, а запасы, взятые с собой ведьмами, не очень-то велики. В ступах много не увезешь, а ведь еще пришлось прихватить целую кучу домашней утвари, начиная с посуды и кончая одеялами. Здесь, в горах, ночи прохладные. Хотя всего на два дня продуктов должно хватить, вернее, уже на один.

Лишь четыре раза в год могут добраться ведьмы этого мира до вершины Лысой горы, и каждый раз отпущено им на веселье и танцы всего три ночи. Прошедшая была второй, самой насыщенной природной энергией, когда удаются ведьмам и магам самые невероятные затеи и мощные заклинания. Потому-то и собирался черный маг отдать меня Роулу именно в эту ночь. Известно зачем, рассказали мне ведьмы – должна была я родить от него ребенка. Но вовсе не наследника так жаждал красавчик, они ему пока вовсе без надобности, править он собирается еще не одну сотню лет. Нет, все значительно проще и гнуснее. Не имеющий от рождения никаких магических способностей принц нашел изуверский способ возместить себе недоданное богами. Очень подлый и жестокий, но разве тех, кто считает себя выше других, это когда-нибудь волновало? Или останавливало?

С помощью найденного специально для этой цели мага из тех, которые не гнушаются никакими методами и потому на-

зывают себя черными, Роул выкачивал в специальные накопители магическую энергию из отловленных ведьм и необученных юных магов. Узнав эти подробности, я, конечно, возмутилась, но, наивно полагая, что все не так уж страшно и энергия вскоре восстановится, заявила об этом во всеулышание.

Ведьмы, услышав мое высказывание, застыли с потрясенно раскрытыми ртами, и только бабушка Омела, тяжело вздохнув, укоризненно покачала головой:

– Да откуда ж ты такое взяла, девонька? Вообрази, себе... нет, не сердце, без него человек сразу погибнет, а, допустим, почку. Представь, что из нее в один миг выкачали всю кровь, всю жизнь – насухо. Как ты думаешь, когда она восстановится? Верно, никогда. Некоторые маги так поступали и до него, особенно те, кому своей силы не хватало. Держали взаперти ведьм и понемногу отбирали магию, оставляя чуток на восстановление. Но те, кого слил пособник Роула, остаются пустыми навек. Только не вся сила попадает в его амулеты, у некоторых ведьм она так мощна, что рвет ловушки мага и уходит. – Старая ведьма снова вздохнула и как-то виновато объяснила: – А родись у тебя дитячко, оно бы связало вас кровью. К тому же у Роула в родне много магов, ребенок должен был родиться одаренным. Значит, сила его послушно слилась бы в амулеты Роула, их тоже делают на крови. Но сначала слили бы тебя – через дитя, как по желобку. По нашим подсчетам, немного осталось ему копить, чтобы

хватило на ритуал пробуждения. Черные маги могут почти у любого пробудить неразвитые способности, бывали такие случаи.

Эту лекцию я выслушала, стиснув зубы и сощутив глаза. До этого момента мне еще не приходило в голову, что у меня когда-нибудь будет ребенок, ну, по крайней мере, так скоро. Но то, что его, еще не родившегося, крошечного и беззащитного, уже планировали ограбить, я просекла враз. И озверела просто до жути, а в комнате почему-то вмиг стало жарко.

– Кэт, прекрати! – бросилась ко мне Лин, в то время как остальные ведьмы что-то дружно забормотали. – Чего сейчас-то злиться, все ведь обошлось!

Но я и сама уже почуяла, как шевельнулось внутри что-то мощное, даже страшное, и сильно испугалась. А в домике уже веяло прохладой, ведьмы споро подавали на стол нехитрое угощение, и ни одной темы, связанной с моим недолгим пленом, в разговоре больше никто не поднимал.

Однако Береза, уже перед вылетом на Лысую гору, когда сажала меня рядом с собой на сухую, отполированную многолетним употреблением колоду, настрого предупредила, чтобы я не смела пробовать свои силы, когда мы будем в воздухе.

– Учить тебя времени нет, да и для дела так лучше, – объяснила туманно. – Но если что, не обижайся, сразу скину, предупреждаю заранее.

Фуссо стоял рядом с перевернутым корытом, приспособленным вместо скамьи, и доедал какую-то кашу прямо из котла, ловко зачерпывая клешней. «Ничего себе, а моя доля!..» – начинаю открывать рот, чтобы повозмущаться, и тут же захопываю снова. Разглядев на плоском камне, накрытом скатеркой, полную миску каши и кружку с молоком.

– Это все мне? – спросила у кучки ведьм, разбирающих рядом целый сноп трав, и, получив утвердительный ответ, все-таки возмутилась: – Но я столько не съем!

– Наедайся досыта, ужинать будем на горе, – подняла от трав голову Береза. – С набитым пузом плясать тяжело.

– А это обязательно – плясать? – уже поднеся ко рту полную ложку, зависла я.

– Очень сильным необязательно, но таких ведьм по пальцам счесть можно. А нам без этого трудно будет оборону держать. На Лысой горе в дивные ночи энергия ключом бьет, а когда танцуешь, душа открывается, прям чувствуешь, как всю тебя силой напитывает, словно на много лет разом моложе становишься.

– Так ты и так не старая, – великодушно покривила я душой.

– Всего триста семьдесят, – равнодушно пожала она плечами, но, разглядев мою ошалелую физиономию, лукаво хихикнула: – Ты что, не знала, что ведьмы живут много дольше людей?

– Вот потому-то так рвется Роул пробудить магию, – не

поддержав ее шуточный тон, вздохнула Лин. – И если ему это удастся, придется нам всем удирать на запад. В земли демонов.

– Кого?! – Я снова уронила ложку.

Какие такие демоны?

Вчера, когда Лин привезла меня в Косогоры и ведьмы дружно принялись лечить покрывавшие мое тело синяки и изрезанные ладони, бабушка Омела, чтобы не тратить время зря, кратко рассказала про этот мир. Упомянула и различные расы, населяющие его.

Как выяснилось, кого тут только нет! Кроме людей, разумеется. И эльфы всех видов, от темных до светлых, вампиры, дриады, гномы... Вот только чтобы упоминали демонов, я еще не слышала. И это как-то настораживает, не верится мне, что можно случайно позабыть про таких влиятельных соседей. Значит, специально умолчали? Интересно почему?

– Демонов, – повторила Береза с заметным сожалением. – Есть здесь такая раса. Живут далеко на западе и ведьм не обижают, только мы к ним стараемся не попадать.

– Почему?

Я даже про кашу чуть не забыла от любопытства, да заметила Фуссо, тихонько придвинувшегося к камню, заменявшему стол, и быстренько подтянула миску поближе. Просто так, на всякий случай. По интернатской привычке.

– Не про то вы разговор завели, – недовольно оборвала ее Лин. – Кэт, доедай-ка завтрак и подсаживайся к нам. Пока-

жу тебе травы. Сила силой, а из чего можно целебный отвар сделать, тоже знать нелишне.

Спорить с ведьмой я не стала, давно выучила наизусть правило новичков: больше слушай и меньше болтай, целее будешь. Но заметку насчет демонов себе сделала. Потом, когда немного пообживусь, у кого-нибудь обязательно выпрошу. В каждом коллективе найдется любитель первым просветить новичка, нужно только его отыскать.

Время до вечера пролетело незаметно, рассказы про травы оказались очень занимательными и запоминались легко, особенно после того, как Береза прошептала над моей головой несколько слов.

– Извини, – в ответ на просьбу научить этому заклинанию вдруг застеснялась ведьма, – я самоучка, все делаю как умею, а тебе нужна опытная наставница, тогда станешь сильной ведьмой.

– А при чем тут наставница? – заинтересовалась я, но ведьма объяснять отказалась.

«Что-то слишком много у них секретов на один квадратный метр», – вздыхаю разочарованно, но узелочек в памяти все же завязываю: вот вернемся в Косогоры, они от меня не отвяжутся. А пока потерплю, тем более что с приближением ночи тревожное нетерпение все быстрее растет в моей душе. Очень не хочется, чтобы повторился вчерашний провал, вдвойне обидный из-за того, что я и слова как следует сказать еще не успела, а дикая ведьма в призрачном голубом

платье уже стремглав уносила в звездную глубину.

– Кэт, пора на речку, – торопит Береза, и мне волей-неволей приходится подниматься с корыта.

И ведь совершенно невозможно отказаться, купание в реке при свете последних гаснущих отблесков заката у ведьм обязательное действие, давний ритуал, приводящий, по словам Лин, в порядок не только тело, но и мысли. Клятвенных заверений, что теплый душ приводит мои мысли в порядок намного надежнее, она даже слушать не захотела.

После купания ведьмы замотали меня в кучу холстин и в одеяло и посадили в сторонке, чтобы не мешала. Сначала со вкусом принарядились и причесались сами, потом подтянулись собирать меня. Как и вчера, я должна изображать мальчика, сына дикой ведьмы, и от моих актерских способностей зависит успех операции.

Трансформация в дикую ведьму одним изменением физических характеристик тела не ограничивается. Омела, конечно, объяснила не так, но поняла я по-своему. Обращение в дикую ведьму изменяет и разум, и память, оставляя всего несколько самых устойчивых эмоций. Все остальное исчезает бесследно – если смотреть со стороны. Объяснить же, как там происходит на самом деле, с точки зрения дикой ведьмы, пока не смог никто, обратного превращения не бывает. Известно лишь, что в стаю дикие собираются четыре раза в году, все остальное время проводят поодиночке. В основном вдали от обитаемых мест. Известен только один случай, ко-

гда дикая ведьма жила вместе с людьми, обмолвилась Бере- за, и я немедленно настояла на подробном рассказе.

С досадой поглядывая на проболтавшуюся подругу, спут- ницы кратко рассказали мне про юную ведьму, пойманную черным магом накануне свадьбы, и то, сильно подозреваю, сделали это вовсе не ради моего любопытства.

Несколько месяцев чародей пытался сам покорить само- забвенно влюбленную в жениха пленницу, потом позвал на помощь коллегу. До сих пор никто не знает, что и как там происходило, только жители ближних деревень слышали в ту ночь гул как от землетрясения да видели над стоящим на высокой скале замком багровое зарево.

Много позже смельчаки, решившиеся подобраться побли- же, с ужасом разглядели закопченные руины недавно непри- ступных стен, однако подойти вплотную не отважился никто. Но самое невероятное в этой истории – вовсе не исчезно- вение двух могучих черных магов, а появление дикой ведь- мы. Причем объявилась она не в родном доме, а у жениха, и судя по поведению, собиралась жить там постоянно. Все в деревне были в курсе, что у парня уже есть новая неве- ста, и следили за развитием событий с замирающими сердца- ми и безудержным любопытством. Только родители, спеш- но выбравшие сыну работящую односельчанку, когда исчез- ла ненавистная им ведьмочка, ходили мрачнее тучи. Спра- ведливо подозревая, что ничем хорошим эта история не за- кончится.

А бывшая невеста тем временем начала заниматься хозяйством на свой, никому не понятный манер. Когда все соседи сажали овощи, в огороде ее возлюбленного только ветерок гулял. Зато через месяц, после того как внезапные морозы побили всю зелень в округе, ее грядки, обихоженные при помощи магии, дружно выдали крепкие всходы. Вот только радоваться этим предвестникам богатого урожая было уже некому.

Как, по каким признакам дикая поняла, что любимый ей изменил, никто точно не знал, зато рассказывали все. И про вспыхнувший ночью дом, и про жуткие крики, доносящиеся из него. Бросились, конечно, смельчаки и родня тушить, да не так-то прост был тот огонь. Лишь через пару дней пепелище остыло настолько, что стало возможно ходить в подбитых подковками сапогах, не рискуя обжечь ноги. А всего-то и нашла похоронная команда несколько еще теплых лужиц металла, в которых сельский кузнец после долгих раздумий и колебаний все же признал останки чугунок да сковородок.

Что-то звонко защелкало над плечом, рывком выхватывая меня из раздумий о диких ведьмах. Еще надеясь, что ошибаюсь; ну не могут же они так поступить, ведь должны были вначале спросить или хотя бы предупредить, – осторожно перевожу взгляд на плечо и понимаю: минуту назад сбылись самые страшные сны. Моя гордость, мои волосы, длинные и густые, единственное, что я никогда никому не доверяла, по-

тому как мама часто повторяла, заплетая по утрам мне косу:

– Катюха, бог троим нес, да по ошибке тебе одной выдал. Береги, не верь никому, будто без косы будешь лучше, короткие и густые волосы – это стихийное бедствие.

А эти предательницы, диверсантки, одним движением ножниц вмиг сотворили ту гнусность, которая так и не удалась всем моим интернатским врагам.

– Кэт, не злись, – как попугай, уже в десятый раз монотонно повторяет Малина, и до меня начинает понемногу доходить, почему ведьмы стоят вокруг, выставив перед собой ладони.

– За что? – Неужели это я так рычу?

Разве же не поняла бы, не согласилась, если бы ко мне подошли по-хорошему?! Почему обязательно нужно было обращаться как с капризной дурочкой, вначале поставить перед фактом, а потом утешать? Я же добровольно согласилась помочь, ни минуты не спорила, выполняла все указания – бьется в груди жгучая обида...

– Прости, девочка, мы не знали, что ты так к этому отнесешься, это всего на одну ночь. Завтра с утра сама тебе отращу, какой хочешь длины, честное ведьминское, – виновато тараторит Береза. – А это сейчас при тебе сожгу, никому и волосинки не достанется.

Она и вправду собирает обрезанные пряди и сжигает на огромном валуне, а потом развеивает пахнувший паленой курицей пепел сильным порывом ветра. Не знаю, этот про-

стенный ритуал отвлек меня или сработали ведьминские заклятия, но тяжелый ком, перекрывший горло, потихоньку отодвинулся и я смогла со всхлипом вздохнуть.

– Так нужно, мы думали, достаточно одного имени и одежды, а она не поверила, сама же видела. Придется полностью менять тебе внешность, всего на одну ночь, как только возьмешь ее за руку, мы пособим, перехватим, главное, чтобы она с дикими не улетела, – хмуро объясняет Малина, что-то делая с моей прической, но до меня ее слова доходят как сквозь туман.

А ведьмы тем временем дружно натянули на меня потерянные брюки, сапожки, отстиранную до белизны рубашку, которой я недавно мыла полы, и широкий пояс с подвешенными к нему малопонятными вещами, про которые я могла только предполагать, что вот это ножны, это, по-моему, пенал... вроде как со стрелами... а это кошелек... или кiset... неясно. На перекинутый через плечо ремень повесили небольшой лук. Смотреть в зеркало не разрешили, должна я, по мнению ведьм, ощущать себя естественно, не задумываясь о том, как выгляжу.

Я истерически хихикнула: это насколько нужно быть равнодушной к собственной внешности, чтобы после принудительной стрижки и переодевания в неизвестного мальчика не задумываться о том, как выглядишь? Да у меня ни о чем другом голова даже думать не может, не то что забыть!

Сегодня мы летим на шабаш с молодой красивой ведьмой

по имени Вишня, в ее удобном и просторном, выдолбленном из цельного ствола, корыте. Я сижу впереди, крепко вцепившись руками в борта, а смелая Вишня стоит позади, как гондольер, и ее длинная юбка развевается ведьминским флагом.

На горе уже полыхает колдовской костер, и толпа незнакомых ведьм раскладывает в сторонке на чистых скатертях праздничное угощение. Сегодня сюда долетели ведьмы из самых дальних уголков этого мира, тихонько шепчет мне на ухо Малина. И добавляет с гордостью, что некоторые из них добирались не одну неделю. Но несмотря на пополненную энергию, лететь назад им почти столько же, потому и отводят на танцы всего несколько часов. Рассвет они встретят снова в полете.

Выбираясь из корыта, ловлю пару изумленных взглядов, но уже через несколько минут никто не обращает абсолютно никакого внимания на мою необычную одежду и прическу. А вскоре я и сама забыла, что не похожа на принаряженных в новые юбки ведьм, летящих по кругу с распущенными разномастными гривами. Неслась в танце вместе с ними и явственно ощущала, как все пышнее расцветает в груди горячий, радостный, диковинный цветок.

– Кэт, подлетают!

«И как только у этой Березы хватает силы воли не забыть в вихре упоительного танца про каких-то диких ведьм?» – с досадой дернув плечом, фыркнула я. И в тот же миг крепкие руки выхватили меня из хоровода, а он, как в старой пес-

не, что иногда напеваает тетка, помчался дальше, не заметив потери.

– Ты же тоже сирота, – настойчиво шепчет Береза, не дождавшись, пока я до дна допью кружку прохладного и кисленького не пойми чего. – Представь, что это твоя мать, оказывается, она жива, но почему-то не хочет тебя узнавать, может, нужно просто позвать погромче?

Льется над Лысой горой тоскливая, с больным надрывом, мелодия, неспешно плывут в погрустневшем хороводе разом притихшие ведьмы, пухнет в моей голове мягкий туман, а перед глазами слегка качается желтая Селия...

Все вокруг становится легковесным, несущественным и бессмысленным, и только слова, еще шуршащие в ушах, кажутся мне именно теми, правильными, важными, единственно нужными сейчас.

А на краю площадки безрадостно и отстраненно кружат, не касаясь ногами скалы, дикие ведьмы, и среди них та, в голубом платье... Я упорно бреду к ней, не замечая происходящего вокруг, страстно желая лишь одного – заглянуть в лицо, увидеть глаза, дотронуться до рук...

Но когда мне остается всего несколько шагов, ведьма внезапно на миг оглядывается и тут же делает чуть заторможенный, размашистый прыжок в сторону и вверх, чтобы сорваться в звездную вышину.

Вот только мне хватило этого краткого мига, чтобы разглядеть, узнать, поверить...

Горестный крик сорвался с моих губ, разрывая болью и отчаянием сердце, прося, умоляя, требуя – вернись!

– Мама!

Она замерла, повисла над землей... медленно, неверяще, обернулась... сделала почти незаметное движение навстречу.

А я в безумной надежде уже преодолела те несколько шагов, что нас разделяли, и попыталась вцепиться в призрачную руку, впиться взглядом в глаза, за которыми сияли далекие звезды.

Ведьмы, подступившие к фее следом за мной, дружно подняли ладони... но ничего не успели.

Сверкнули во мраке устремленных на меня глаз алые искры, презрительно искривились полупрозрачные губы, и дикая ведьма молниеносным взмахом руки легко отшвырнула от себя заговорщиц.

Вместе со мной.

Ничего я не поняла и не испугалась, даже не вскрикнула, почувствовав сквозь объявший меня мягкий густой туман, как падаю в бездонную темноту, сметенная с Лысой горы мощным броском.

Глава четвертая

День четвертый, загадочный

Чувств не было. Никаких. Ни боли, ни любопытства, ни страха. И даже понятия о том, что они должны у меня быть, не существовало в этой галактике. Да и мысли текли как-то вяло, проплывая мимо, словно последние тающие льдины в весенний разлив. Желание пошевелиться тоже не появлялось, тем более – открывать глаза или рот. Чтобы спросить... да нет, спрашивать мне ничего не хочется, да и незачем.

Чьи-то руки бережно приподняли мою голову и начали осторожно вливать в рот терпкий и сладкий напиток, похожий на компот. «О, надо же, какие слова я, оказывается, еще помню», – вяло шевельнулась мысль и тоже проплыла мимо. Глотать компот не хотелось, но тот, кто его в меня вливал, видимо, был об этом прекрасно осведомлен, так как лил такими маленькими порциями, что никаких глотательных движений мне делать и не приходилось.

Я вяло восхитилась этой предусмотрительностью, но не по движению души, а скорее по привычке, и начала было снова проваливаться в надежную пелену безразличия, как вдруг с тоской поняла – больше это мне не удастся. Наверное, так подействовал компот, понемногу пробуждая во мне жизнь и прежде всего возвращая память и те эмоции, которые я ис-

пытывала до того, как впала в это отстраненное равнодушие.

Первой вернулась жаркая обида. Как могла она не узнать свою Катюху, неужели я так изменилась за эти годы?

А потом пришло ужасающее понимание – так ведь эти местные самопальные стилистки отрезали мой главный отличительный признак – мою косу! Да и вообще сотворили из меня какого-то мальчика!

И вдруг мысли и чувства, словно разом прорвав невидимую плотину, хлынули таким бурным потоком, что от жалости, горя и обиды захлестнуло сердце, вырвался из глубин души горестный стон. А из зажмуренных от боли глаз сами брызнули слезы.

– Тише, тише, – успокаивающе приговаривал незнакомый голос, а чья-то мягкая рука ласково гладила по волосам. – Все хорошо, все в порядке.

– Где она? – распахивая ничего не видящие от соленой влаги глаза, перебиваю незнакомку и пытаюсь сесть.

– Кто? – удерживая меня в горизонтальном положении, недоумевает собеседница.

– Моя мама, – спешно выкручивая кулаками предательские слезы, всхлипываю напоследок.

– Кэт, не было там твоей мамы, – с состраданием смотрят на меня необыкновенные сиреневые глаза.

– Я сама видела, – упрямо не соглашаюсь я, пытаюсь освободиться из крепко прижавших к постели ладоней.

Однако, несмотря на свою кажущуюся хрупкость, держат

они с необычайной силой, и мне поневоле приходится пока отложить попытки немедленно вырваться из этого плена.

– Не торопись. Рано тебе вставать. А про твое видение скажу прямо: чего захотела увидеть, то тебе и показалось. Без сомнения, подтолкнули тебя к тому действия ведьм, – мягко, но уверенно объясняет тем временем незнакомка. – Вспомни, наверняка и в твоём мире есть снадобья, выпив которые, человек принимает желаемое за действительность.

Да чего ж тут вспоминать! Когда я наизусть могу почти два десятка назвать! Приезжал к нам в интернат один лектор, все досконально объяснил: и названия, и как действуют, и даже в ответ на вопросы мальчишек примерные дозы назвал. Наши второгодники, никогда, ни на одном уроке ничего не записывавшие, достали тетрадки и строчили, как прилежные зубрилки, стараясь не пропустить ни словечка.

Вот только какое это имеет отношение ко мне и к моей маме?

– Опоили они тебя. Не со зла, конечно, уж больно хотелось дикую ведьму поймать. Да и их понять можно – никому не хочется бросать обжитые места и уходить в чужие земли. А здесь и раньше ведьмам нелегко жилось, а уж если Роул черным чародеем станет, то и вовсе тяжело будет.

«Вот, значит, как», – складывает мой прояснившийся ум простенький пазл ведьминской интриги. Чертовы колдуньи использовали меня втемную, а ведь прикидывались такими душевными, такими родными! Называли сестрой, плясать на

Лысую гору возили!

А сами все это время расспрашивали про мою жизнь и готовили наркоту, прикидывая, какими словами лучше разбудить во мне веру в чудеса. На самые больные точки надавили, в святое грязными сапогами влезли. Ну и чем они после этого лучше того же Роула? Он хоть самолично меня наркотой не поил и благородными целями не прикрывался.

«Ладно, это я как-нибудь переживу, еще и не то пережила», – стиснув зубы, завязываю новый узелок на память. Хотя забыть такое предательство просто невозможно, зато можно дать себе клятву никогда не прощать подлых манипуляторш.

Конечно, не факт, что они придут когда-нибудь просить прощения, но все же. Иногда случаются и не такие чудеса, я сама видела. Например, когда у одной девочки из нашей группы нашлась мать. Родная, абсолютно здоровая и ни капельки не пьющая. Вот это последнее и было самым большим чудом. Потому что пьющие матери находились довольно часто. И чем взрослее мы становились, тем чаще приходили в интернат дешево одетые тетки с прокуренными зубами и каким-то одинаковым выражением лица.

– Маска алкоголика, – с презрением фыркнула Марина, когда я поделилась с ней своими наблюдениями. – Когда человек много пьет, начинают атрофироваться лицевые мышцы, в первую очередь в верхней части лица, вокруг глаз и возле скул. Вот и создается впечатление, что эти люди похожи. Если хорошо изучить одно лицо такого типа, потом легко

находишь в толпе ему подобные, особенно женские. Сколько бы они ни намазывали на себя дорогой косметики и какую бы одежду ни носили, следы разгульной жизни посвященному видны издалека.

Вот только моим подружкам, которых находили такие матери, объяснять эти тонкости было бесполезно. Это уже много позже, когда они возвращались в интернат, сбежав от издержек материнской любви, и Марина колола им глюкозу, вылечивала педикулез, а иногда и кое-что похуже, с некоторыми можно было поговорить. Но остальные и после всех издевательств, вынесенных дома, гордо считали себя удачливее меня, потому что моя мама не придет уже никогда.

Я вспомнила то, окутанное дурманящим туманом лицо, и горькая обида вновь полоснула по сердцу тигриными когтями.

– Ну хватит, взрослая девушка, ведьма, а ревешь, как ребенок, – прикрикнула незнакомка.

Как ни странно, этот окрик подействовал. Слезы высохли на радость моему самолюбию. Я вновь попыталась приподняться, но это мне почему-то не удалось. Спина была как чужая, и ног я тоже не чувяла, словно отсидела.

– Куда? – тем же тоном буркнула хозяйка. – Рано тебе вставать, после такого-то падения. Хорошо еще быстро тебя мой помощник нашел, до рассвета с такими ранами ты бы не дожила. А теперь полежишь пару дней и начнешь понемногу вставать. Раны и переломы я тебе уже залечила, но лучше

немного побережусь.

«Вот как», – горько хмыкнула я. Значит, правильно вспоминается, что сбросила меня эта дикая со скалы. А что же эти деревья с человеческими лицами искать меня не стали? Значит, не нужна была больше? Как там говорится: мавр сделал свое дело и можно списать его в расход. И если бы не эта неизвестная знахарка, валяться бы тебе, Катька, под Лысой горой изломанной куклой.

– Кто ты? – слегка повернув голову, разглядываю хозяйку, что-то сноровисто нарезающую у стола.

– Сирень, – приветливо улыбнувшись, отвечает она, и я язвительно хмыкаю.

Очередное дерево. Да что для них, человеческих имен, что ли, не хватило?

– Тебе не понравилось мое имя? – догадалась Сирень.

– Разве это имя? – осуждающе тяну, разглядывая хозяйку.

Обычная такая тетка неопределенного возраста. И одета неброско: темная юбка из грубой ткани и пестренькая кофточка чуть мягче на ощупь, точь-в-точь такие, какие выдавала мне Береза. Впрочем, они и сами то же самое носили. Наверное, мода тут такая, средневековая.

Маленькая комнатка тоже очень простенькая... и бедная. Постель, на которой я лежу, пахнет сеном, старенькое покрывало похоже на дешевый половик, какие тетка стелила в сенцах. Возле оконца, завешенного светлой тряпицей, стоит простой некрашенный стол, в углу у входа – скамья, на ней

деревянный тазик и рядом бадья с водой. У изголовья постели – маленькая скамеечка, на ней аккуратно сложена какая-то одежда, наверное, для меня.

– В обычном понимании, может, и нет. Когда ведьма уходит из родного дома, города, села и приходит в один из укрытых в Проклятых землях поселков, то вместе с прошлым оставляет за порогом и данное родителями имя. Никто и никогда не отыщет тут Миранду, Полетту или Анилу. Здесь их нет и никогда не было, – миролюбиво поясняет Сирень, присаживаясь на край постели и подкладывая мне под голову еще одну подушку. – Открывай рот, я тебя покормлю.

Слишком аппетитно пахнет ее варево, чтобы я капризничала. Да и на вкус оказывается просто замечательным. Наваристый бульон с мелко порезанным мясом и зеленью перемежается маленькими кусочками булки, которую Сирень отщипывает тонкими пальцами.

Я съела почти полную мисочку, по телу начало распространяться уютное тепло, когда в дверь внезапно резко постучали. Хозяйка вихрем метнулась из комнаты, но уже через несколько секунд вернулась назад.

– Выпей, – приказала, поднося мне ко рту крошечный стаканчик, и видя, что я заколебалась, решительно вылила его содержимое мне в рот: – Глотай быстрее!

Не проглотить было невозможно, не дышать я еще не научилась. Да и сопротивляться тоже пока не могла, спина не слушалась, а ведьма была намного сильнее. И, в конце кон-

цов, чем я рискую? Не станет же она меня травить, раз спасла?

– Вот и умница. Это лекарство, но там еще и снотворное. Не пугайся, если проснешься не здесь, я тебя вытащу, – металась по комнате Сирень, собирая какие-то вещи. – И знай, ведьмы своих не предают, даже если все указывает именно на это...

Знакомый туман слишком быстро затягивал покачивающуюся, как электричка, комнату, мешая следить за ведьмой, а мгновенно онемевшие губы не желали говорить ничего из того, что мне пока еще хотелось крикнуть ей вслед.

Глава пятая

Дни пятый, шестой и седьмой, почти романтические

– Попробуй вот это. – Изящная рука, выглядывающая из темно-синего, с искоркой, шелкового рукава рубашки, держит перед моим носом чеканное блюдо то ли из серебра, то ли из какого-то похожего металла, никогда в этом не разбиралась, что я, пацан?

А на блюде нечто воздушное, снежно-белое, украшенное шариками незнакомых орешков, ломтиками неведомых фруктов и завитками чего-то, похожего на шоколад.

– Не хочу, – капризно мотаю головой и нисколько при этом не лукавлю.

Уже поняла почти за три дня: ни травить, ни усыплять меня тут пока не собираются. А сложив в уме два и два, пришла к обнадеживающему выводу: в ближайшие месяцы ничего такого можно смело не бояться. А за это время что-нибудь да произойдет: сдохнет либо ишак, либо падишах, как говорил наш учитель по труду, непонятно зачем учивший нас наравне с мальчишками строгать деревянные лопаточки. Поэтому я пока с чистой душой наслаждаюсь комфортом, отъедаюсь невиданными блюдами и поправляю свое здоровье. А заодно и растрепанные нервы – столько неожиданных уда-

ров судьбы, перенесенных за такой короткий срок, потрясли даже мою, привыкшую к различным напастям, психику.

– Тогда пойдем погуляем, погода просто замечательная, – обаятельно и ласково заглядывают в душу восхитительные глаза.

Нет, ничего я не забыла, память свято хранит каждое слово и каждую интонацию. Но отчего-то каждый раз так сладко замирает сердце, когда безукоризненно красивое лицо склоняется ко мне с чарующей улыбкой.

Мое выздоровление немного затянулось, только сегодня утром я впервые самостоятельно дошла до ванной комнаты. До этого знаменательного момента рядом с кроватью, сменяя друг друга, постоянно находились две заботливые сиделки. Порой слишком внимательные и словоохотливые, я даже немного пожалела о том, что молчаливая Биша больше не показывается мне на глаза.

Роул с обходительной улыбкой приглашающе протянул холеную руку, и я неохотно подала ему свою. Несмотря на ясное понимание истинной причины такого поведения принца, робкий росток надежды, самовольно проклюнувшийся в душе, незаметно начинал расти и крепнуть. И вполне возможно, сыграла свою роль и моя новая внешность, узрев которую в первый раз в зеркале, я едва не выпала в осадок.

Оказалось, новоявленные стилистки не только отхряпали мою косу. Ведьмы еще непонятным способом поменяли цвет волос, и они были теперь почти такого же оттенка, как у Ро-

ула. К тому же слегка вились, обрамляя лицо серебристым облаком. Да и овал удлинился, бесповоротно изменив мое простое, круглое, курносенькое личико. А вот глаза, бывшие до той злополучной ночи обычного орехового цвета, мало того что стали большими и миндалевидными, так еще и поменяли оттенок. Волшебным образом став фиалковыми с золотистыми крапинками, слегка напоминаящими об отпущенном мне природой облике.

Топать собственными ногами по широкой лестнице, ведущей в сад, не пришлось. Внезапно Роул ловко и непринужденно подхватил меня на руки и легко зашагал вниз. Потрясенная непредсказуемой наглостью и раскованностью этого поступка, а также ответной реакцией собственного тела, я вся сжалась в чуткий комок, боясь даже пошевелинуться. Чужие руки чувствовались сквозь напяленное на меня сиделками платье так явственно, словно никакой одежды на мне не было и в помине, и я отчаянно краснела от жуткой догадки, что и Роул так же отчетливо ощущает мое тело.

Единственная мысль, не успевшая убежать из головы, мучила душным сомнением: не слишком ли я тяжела по сравнению с теми девицами, которых принц носил на руках до меня. И как продолжение ее поднималась череда не менее страшных подозрений: достаточно ли свежее у меня дыхание, не вспотела ли я, пока сама героически топала до террасы, где меня ждал полдник, и не слишком ли давит Роулу в грудь мой локоть. А если давит, то куда мне его девать, ведь

никакого опыта проезда на мужских руках в моей жизни до этого не было.

Но страшнее всего было предположение, что принц может догадаться о моих опасениях и, хуже того, догадавшись, откровенно над ними посмеется.

Я так увлеклась своими переживаниями, что абсолютно не следила, куда несет меня хозяин, а когда снова почувствовала ногами землю и немного привела в порядок бурлящие чувства, мысли и оборки платья, то слегка удивилась странному выбору места для прогулки. Мне казалось, что гулять мы должны как минимум возле одной из прекрасных цветочных клумб, которые я все утро изучала в окно. Ну а если по максимуму – то по изящному гнущему мостику, выложенному из розового камня самого бледного оттенка, соединяющему набережную изумительно прозрачного пруда и стройную беседку, стоящую посреди него.

Но Роул принес меня к обитой металлом мрачноватой дверце, ведущей в прилепленную к скале башню, без особых изысков сложенную из грубо обработанного камня. И даже мне, плохо разбирающейся в архитектуре и никогда не видевшей вблизи никакого строительства, кроме многочисленных магазинчиков, как грибы растущих на центральной улице райцентра, было понятно: эту башню строил вовсе не тот, кто возвел прекрасный дворец и распланировал парк.

Дверь открылась, едва Роул приложил к черному квадрату на ее поверхности свою ладонь, и я нервно хихикнула. В на-

шем мире такое тоже уже придумали... нет, не в интернате. Там все было ветхое и старое, оставшееся от лучших времен, это я в фильмах видела, как людей пускают по рисунку на сетчатке глаза, например, в банк.

Открывшийся за дверью коридор, освещенный странными голубоватыми шарами, висевшими под потолком, вел куда-то в глубину, и Роул, просеменив несколько шагов рядом, снова нетерпеливо подхватил меня на руки.

– Нас ждут, – безмятежно объяснил принц, светясь очаровательной улыбкой. – К тому же мне совсем не трудно, а у тебя еще не совсем зажила рана.

Я согласно кивнула, признавая справедливость его доводов, и приготовилась к длительному путешествию, но уже через несколько метров Роул внес меня через арочный проем в довольно просторную комнату и поставил на каменные плиты пола.

Слабые подозрения встревоженно шевельнулись в душе при виде окутанной черным плащом спины человека, склонившегося над столом. Но уже в следующий момент он повернул к нам свое лицо, и подозрения превратились в уверенность.

Черный маг, пособник Роула, стоял передо мной собственной персоной.

Во рту мгновенно пересохло, а стиснутые в кулаки ладошки вспотели. Неужели я ошиблась, посчитав, что черный маг отложит свои планы насчет меня до дня солнворота?

И что же мне делать, если он сейчас примется творить надо мной какой-нибудь ритуал или того хуже?..

Я осторожно втянула в себя пахнущий химикатами и травами воздух, с ужасом ощущая, как где-то в подреберье начала подниматься уже знакомая горячая волна. В этот миг я отчетливо поняла, что не смогу ничего предпринять, если она вырвется наружу и начнет жечь все вокруг отчаянным огненным смерчем.

– Не волнуйся, Кэт, я не причиню тебе никакого вреда, – странным, низким и тягучим заволаживающим голосом прорычал колдун, и я почему-то ему поверила.

Наверное, просто поняла: никогда не опустился бы он до лжи, незачем лгать магам, обладающим такой неукротимой мощью, какую даже я, ничего не понимающая в таких вещах, необученная ведьма, не могла не ощутить.

– Сильно же они тебя запугали, эти недоучки с летающими корягами, – презрительно фыркнул маг, сверкнув жутковатыми черными глазами. – А сами даже внешность правильно сменить не сумели, не то чтобы обучить чему-то полезному.

Я почти открыла рот, чтобы сообщить, что полностью с ним согласна и к тому же очень сильно обижена на плутоватых ведьм, но почему-то в последний момент смолчала. По-видимому, сказала-таки интернатская выучка не верить никому, кто ни с того ни с сего начинает заваливать тебя подарками и показным пониманием. Наверняка после окажется-

ся, что внезапному добрячку от тебя что-то требовалось.

Любимая поговорка тетки про бесплатный сыр никогда еще меня не подводила.

Потому я и постаралась соорудить как можно более грустное лицо и, скромно опустив глаза, тяжело вздохнула. Предоставив магу самому догадаться о чем. Он понял все именно так, как я и хотела, и одобрительно бросил уже успешшему устроиться в кресле Роулу:

– Ну, как видишь, девушка быстро разобралась, кто ей действительно желает добра, а кто только за нос водил. Но ты не волнуйся, Кэт, нескольких твоих обидчиц мы уже поймали, да и остальные никуда не уйдут. Не желаешь посмотреть?

Я не желала, совсем не желала, заранее предполагая – ничего хорошего я там не увижу. Больно уж тон у него едкий, как у завуча, когда тот с притворной скорбью вещал, расхаживая перед выстроившимися на линейку воспитанниками:

– А сейчас мы полюбуемся на вчерашних нарушителей, которых доставил сюда наш доблестный участковый.

Но, осторожно подняв на принца глаза, поймала мелькнувшую на его губах тень сомнения и четко поняла: иного пути нет. Или я старательно делаю вид, что рада поимке ведьм, или меня отправляют к ним в компанию.

– Любоваться не желаю, а вот высказать, что я о них думаю, просто мечтаю, – утвердительно кивнула магу и мстительно прищурилась, очень надеясь, что выглядит это достаточно убедительно.

Хотя в спектаклях, которые библиотекарша Ольга ставила ко всем большим праздникам, никакой роли, кроме одного из разбойников в «Снежной королеве», так и не получила.

– Идем, – нетерпеливо вскочил с места Роул и первым вылетел из комнаты.

Совсем забыв про то, что хожу я пока не так уж быстро. Однако маг, неодобрительно глянувший вслед принцу, уже дернул за шнурок, и в комнату тотчас шагнул темнокожий слуга. А может, и охранник, ведь не носят же слуги на поясе столько разных ножигов... или это все-таки кинжалы?!

– Носильщиков, – бросил маг и, отвернувшись к столу, принялся складывать в большую шкатулку какие-то куски стекла... или не стекла, мне не очень хорошо было видно.

Носилками назывались кресла с длинными палками по бокам. Когда я уселась в первое, маг привычно устроился во втором и едва заметно кивнул крепким амбалам, стоящим по двое с каждой стороны. Они взялись за ручки, приподняли носилки и почти побежали в ту сторону, куда умчался принц.

Ехать в этом кресле было намного спокойнее и удобнее, чем на руках у Роула... почему же мне с такой тоской вспоминается уютное тепло его уверенных рук? Ведь не настолько же я дуручка, чтобы всерьез воспринимать внимание этого красавчика?

С тех самых пор как проснулась на мягкой постели в знакомой комнате, где несколько дней назад невольно подслу-

шала их мерзкий разговор, принц окружил меня заботой и участием, и я ничего плохого от него не видела. Он живо интересовался моим самочувствием и выспрашивал про вкусы и привычки.

Вот только, если хорошенько вдуматься, все это может ничего не значить! Возможно, он хладнокровно просчитал, что проще меня очаровать, прикормить и потом спокойно пожирать плоды своей предусмотрительности?

И тогда тот факт, что он каждый день по три раза приходил меня проведывать, вполне можно списать на заботу о едва не потерянном ценном имуществе. А совместные обеды и беседы на различные темы счесть шпионскими штучками, призванными поймать меня на обмане. Жаль только, мое неразумное сердце никак не хотело верить таким простым и логичным объяснениям, романтическое толкование почему-то было ему много милее.

Роула мы догнали за непонятно каким по счету поворотом, увлеченная своими мыслями, я не следила за дорогой. Да и к тому же отлично понимала: высчитывание поворотов и расстояний ничем мне не поможет. Могучая энергия черного мага тут встречалась буквально на каждом шагу. Голубоватые магические шары под потолком, замысловатые светящиеся иероглифы, проступающие при нашем приближении на стенах, призрачные занавеси в арках, исчезающие после того, как маг совершал какие-то пассы.

Принц, ни секунды не раздумывая, сдернул меня с крес-

ла и плюхнулся туда сам, уверенно усадив меня на колени. Похоже, его ни капли не волнует ни мое мнение, ни резко вздувшиеся мышцы на руках носильщиков.

Зато меня все это приводило просто в жуткое смятение. Не думать о том, кем меня сейчас считают покорно помалкивающие носильщики, я не могла. И вырваться тоже не было никакой возможности, Роул крепко держал меня за талию одной рукой, второй задумчиво перебирая мои пальцы.

Щеки горели, как от пощечин, и я едва не плакала от стыда, возмущенная собственной безответностью и несвойственным мне ранее смирением. И еще тем досадным открытием, что хотя рассудок прекрасно понимал всю унижительную безысходность моего положения, но какая-то глубоко запрятанная, ранее неведомая часть моего «я» была просто в восторге от такого наглого, хозяйского обращения с моим телом уверенных мужских рук.

Поэтому я была почти счастлива, когда носильщики застыли возле массивной двери. Роул спрыгнул с кресла и легко понес меня следом за магом, и не подумав выпустить из рук.

За дверью находилась большая пещера, слабо освещенная несколькими шарами. Дверь глухо захлопнулась за нами, шары постепенно начали разгораться ярче, и я искренне порадовалась, что пока не стою на слабых еще ногах. И что рассмотреть все сразу было просто невозможно. Иначе я не успела бы взять себя в руки.

От каких-то странных столбов с крючьями, вбитых посреди пещеры, и стоящего рядом стола с разложенными на нем непонятными предметами я усердно старалась отводить взгляд. Зато от тесных клеток, в которых валялись темные кучки, смутно напоминающие человечьи тела, оторваться не могла. Жадно вглядывалась в каждую, мимо которой нес меня принц, стараясь угадать по цвету спутанных волос... рисунку на изорванной кофте... кто? Береза? Малина? Или... Сирень?

– Ну, ты, кажется, хотела им что-то сказать? – испытующе усмехнулся Роул, наконец-то поставив меня на ноги.

– А мне кажется, тут уже некому что-то говорить, – само вырвалось у меня, и уже произнеся этот приговор самой себе, я все-таки попыталась придать своему лицу недовольное выражение.

Роул чуть приподнял бровь, и тень холодного изумления, которое он не успел или не пожелал скрыть, резанула меня как ножом.

Значит, поняла я, не ждал принц от меня такой смелости. Или действительно поверил, что мне захочется самой отомстить пойманым ведьмам? Нет, скорее всего, не поверил. Иначе не потащил бы на эту проверку. Ведь не может же быть, чтобы я действительно выглядела со стороны жестокой бездушной куклой, которая способна искренне радоваться чужой боли?

– Кэт... – с трудом подняла голову ближайшая кучка, – не

рассказывай им ничего, Кэт!

«Чего не рассказывать?» – ошеломленно уставилась я на выпачканные чем-то бурым белые пряди, прорезавшие еще три дня назад темно-каштановую гриву. Впрочем, гривой эти сосульки назвать будет несправедливо... как и их хозяйку – Вишней.

– О чем это она? – мелодичный голос Роула мгновенно стал ледяным и острым, как сосулька.

Слепая ярость вскипела в груди, заставив меня на миг зажмуриться и скрипнуть зубами. Снова ведьмы втягивают меня в свои непонятные, смертельно опасные игры. Хотя мне и со своими проблемами разобраться не хватает ни разума, ни сил.

Но и доказывать принцу, что я тут ни при чем и ничего такого, о чем нельзя рассказывать, мне не известно, почему-то совершенно не хочется. Как и не хочется больше сжиматься от его уверенных прикосновений и краснеть от ласковых взглядов.

– Сейчас, – почти рычу я, направляясь в сторону клеток. – Сейчас...

Где тут незанятая жилплощадь? Вот эта и эта? Выбрав ту клетку, что чуть почище, пригнувшись, решительно шагаю в тесное помещение и, прихлопнув за собой дверцу, по-восточному сажусь посередине. И только усевшись, понимаю – металл решетки почему-то оказался необычайно горячим, и теперь от прикосновения к нему печет ладонь.

Однако доставлять радость недругам стоном не стану ни за какие коврижки, перебыются.

– Кэт?! – наконец-то пришел в себя Роул. – Что это значит?!

– Раз я пленница, то буду сидеть тут. Знать не хочу больше ни ваших тайн, ни доброты, ни разговоров. Надоели вы мне все, вместе взятые, – постаравшись скопировать его недавние ледяные интонации, выдала я и закрыла глаза.

И видеть всех вас тоже не хочу.

Глава шестая

День восьмой, начавшийся очень странно

Как я и думала, долго меня уговаривать принц не стал. Хотя, конечно, втайне очень на это надеялась, прямо-таки видела, как он врывается в камеру, так знакомо подхватывает на руки и уносит прочь, нашептывая на ушко ласковые упреки...

Ничего подобного. Сжал в упрямую полоску губы, некрасиво нахмурился и свистящим полупшепотом бросил черному магу какие-то указания. После чего, не оглядываясь, рванул к выходу. Маг еще немного покопался у стола, раскладывая принесенные с собой кристаллы, и отправился следом за хозяином. Однако с полпути внезапно свернул к моей клетке, пару секунд молча постоял, наблюдая, потом мрачно буркнул:

– Руку покажи.

А я только еще крепче стиснула зубы, ничего мне от тебя не нужно. Спасибо за науку, успела уже понять: все вы только о том и думаете, как бы чужими ручками жар загрести. Маг презрительно фыркнул и отправился дальше, а я внезапно ощутила, что ладонь печет уже не так сильно, как раньше.

Поднесла ее к глазам и в слабом свете снова поблекших

светильников разглядела, как красноватая вздувшаяся полоса, проходящая через все пальцы, начинает понемногу исчезать. Все понятно, усмехнулась понимающе, кинул дядя собачке пряничек и думает ее этим купить.

Не пройдет номер, это я от неожиданности первые дни вела себя как последняя лохушка, все надеялась, что в этом мире не так много подлецов и негодяев, как в родном. Хорошо хоть быстро прозрела, и теперь больше не поверю ни одной сволочи, какие бы душевные речи вы мне ни толкали.

Ведьмы потихоньку возились в своих клетках, устраиваясь поудобнее, однако никаких, даже тихих, разговоров или стонов я не слышала. Это могло означать все что угодно, и в первую очередь магическую защиту, если такое здесь возможно.

А я была только рада, что никто из них не пристаёт ко мне с расспросами или объяснениями, вот этого уж точно бы не выдержала. Гнев и ненависть просто кипели в груди, и самое лучшее средство успокоиться я знала лишь одно – постараться заснуть. Потому и прилегла на грязный, ничем не застеленный деревянный настил, занимающий половину тесного пространства. На второй половине в каменном полу зияет узкая темная дыра. Исподтишка приглядывая за копошащимися в клетках фигурами, я быстро прозрела насчет ее истинного предназначения.

Все это наводило на очень печальные мысли, не оставляя никакой надежды на будущее. Но опускать руки не в моем

характере, а утро вечера мудренее, вот и постаралась выбросить все из головы и попробовать вспомнить доказательство теоремы Пифагора, наивернейшее снотворное из всех, какие я знаю.

– Кэт, вставай! – шепчет в ухо кто-то нахальный, и мое подсознание, агрессивно настроенное против всего этого мира, выдает команду языку прежде, чем я начинаю осознавать происходящее.

– Пошла на фиг, я знать вас больше не хочу! – выпаливает послушный язык.

Прикрывшись для надежности рукавом, еще несколько мгновений лежу неподвижно, пытаюсь вернуться в сладкий дурман ушедшего сна. А снилось про что-то хорошее, родное... то ли тетка заперла меня в курятнике, чтобы не лазила с пацанами по соседским ягодникам, то ли директор отправил к Марине пересидеть очередную истерику исторички.

Я частенько затевала горячие дебаты на уроках, а поскольку она человек упертый и логически объяснить нелогичные поступки наших предков не умеет, то спохватывалась обычно лишь после того, как над дверью начинал дребезжать звонок. А мои вопросы и выводы мало того что ставили историчку в тупик, так еще и подрывали священную веру в истину тех сведений, которые она почерпнула в толстых фолиантах. Особенно сердило учительку мое заявление, что наши предки были не так умны и решительны, как она об этом

распиналась, раз не додумались построить столицу в более теплом месте, в Саратове, например.

– Кэт, проснись! – вновь потребовал смутно знакомый голос, бесповоротно нарушая зыбкое ощущение защищенности.

Ну да, припоминаю, окончательно просыпаясь, но упрямо не открывая глаз, ведь я же не дома, где, несмотря на все мои невзгоды, обязательно находился кто-нибудь, кто помогал мне пережить очередную неприятность. Марина, подруги, тетка и даже доблестный участковый, отбивший меня однажды у злобных цыганок, взъерившихся на едкое замечание о происхождении продаваемой ими косметики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.